

Министерство образования и науки РФ

ФГБОУ ВО «Государственный академический университет  
гуманитарных наук»

Факультет исторический

Магистерская программа 46.04.01. История и культура античности

## **МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ**

На тему «Отступление и бегство с поля боя в поэмах Гомера»

Студент Зайцев Дмитрий Владимирович

Научный руководитель

д.ф.н. Любжин Алексей Игоревич

Рецензент

д.ф.н., профессор Солопов Алексей Иванович

## Содержание

Введение.....	3–11
Глава 1. Семантика и случаи отступления и бегства с поля боя в гомеровском эпосе.....	12–30
§1 Терминология, используемая для обозначения отступления и бегства с поля боя в гомеровском эпосе.....	12–14
§2 Случаи отступления и бегства с поля боя у Гомера.....	14–30
Глава 2. Отступление и бегство с поля боя в риторике персонажей.....	31–55
§1 Предложения покинуть поле боя и реакция на них.....	31–48
§2 Предложения прекратить осаду Трои и реакция на них.....	48–55
Заключение.....	56–58
Список источников и литературы.....	59–61

## **Введение**

**Актуальность** исследования. История изучения гомеровских поэм насчитывает уже не одно столетие. Однако это случай, когда новые исследования только расширяют проблематику и дают простор для дальнейшего углубления наших знаний. Важнейшие работы середины XX в. помогли вписать гомеровские поэмы в контекст развития греческой эпической поэзии архаического времени и раскрыли особенности их формирования. Глобальные изменения в оценке гомеровских поэм дают простор для дальнейшего углубления разработки отдельных проблем.

Это касается и вопросов, поставленных в данном исследовании. С одной стороны, проблема гомеровской аристократической этики уже неоднократно ставилась в историографии, с другой, обычно, ученые анализируют систему ценностей гомеровского героя, пытаются выявить социально-психологические модели. Мы ставим проблему в ином ракурсе, уделяя внимание анализу одного этического аспекта – отступления и бегства с поля боя.

Таким образом, актуальность работы обусловлена, во-первых, оригинальностью постановки вопроса и, во-вторых, текущим этапом развитием гомероведения, позволяющим такие вопросы ставить.

**Объектом** работы выступают поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея».

**Предметом** исследования выступает отражение в поэмах Гомера воинской этики античных греков.

**Цель** исследования: выявление отношения греков к отступлению и бегству с поля боя, нашедшему отражение в гомеровских поэмах.

**Задачи** исследования:

- 1) выделить терминологию, которая использовалась для обозначения отступления и бегства с поля боя в гомеровских поэмах;
- 2) выявить случаи отступления и бегства с поля боя в поэмах Гомера;
- 3) проанализировать отношение к отступлению и бегству с поля боя, сформулированное в авторских ремарках и речах персонажей поэм;

4) определить отношение персонажей поэм к предложениям прекратить осаду.

**Источниковая база** исследования представлена, главным образом, поэмами Гомера «Илиадой» и «Одиссеей». Основное внимание будет уделено «Илиаде», в которой сцены сражений занимают важное место, в отличие от «Одиссеи». Проблемы составления и датировки поэм составляют важнейшую часть, так называемого, «гомеровского вопроса» и будут раскрыта ниже в историографическом обзоре. В качестве главного лексикографического материала мы использовали словарь Лиддела, Скотта и Джонса.

Сложность исследования гомеровских поэм и использования их как исторического источника состоит в нерешенности гомеровского вопроса. В частности, мы не можем точно отнести реалии, встреченные в творчестве Гомера, к какой-то конкретной исторической эпохе. Для нашего исследования, концентрирующегося на этике поведения персонажей поэм, эта проблема представляется второстепенной. Главным образом, в связи с тем, что задача представляется практически невыполнимой в существующих методах исследования поэм. Одним из важнейших приемов, позволяющих сопоставить реалии гомеровских поэм с какой-то эпохой, является сопоставление с данными других источников, в первую очередь, археологических. В нашем случае такое сопоставление невозможно, поскольку модели поведения и этические представления не могут отражаться в археологических материалах. Равно мы не можем сопоставлять гомеровские представления с архаической литературой, поскольку определенные стереотипы о том, как следует вести себя героям прошлого, могут оставаться неизменными на протяжении долгого времени и восприниматься уже их слушателями как анахронизм.

### **Степень изученности**

Гомеровский вопрос был впервые поставлен уже более двух столетий назад и до сих пор исследователи далеки от окончательного его решения.

Разумеется, мы не ставим целью в небольшом обзоре охватить все аспекты гомеровской проблематики. Однако оговорить ключевые работы, сформировавшие наши современные представления о Гомере и гомеровском вопросе, представляется необходимым<sup>1</sup>.

По общему мнению, главная заслуга в постановке вопроса принадлежит немецкому филологу Ф.А. Вольфу с его работой «*Prolegomena ad Homerum*», вышедшей в 1795 году<sup>2</sup>. Нельзя сказать, что до этого историчность Гомера и его авторство «Илиады» и «Одиссеи» не подвергалось сомнению. Были труды античных филологов, рассматривался этот вопрос и учеными нового времени, например, Дж. Вико и аббатом д'Оббиньяком. Однако до Ф.А. Вольфа гомеровские проблемы не вызвали широкой научной дискуссии. Заслуга немецкого ученого состоит в том, что он, сосредоточившись на гомеровском тексте, показал противоречивость поэм, наличие в них многочисленных несоответствий. Идея Ф.А. Вольфа была достаточно серьезно аргументирована, требовала отклика от других исследователей и дала старт бурному росту гомероведческих штудий в XIX и XX вв.

После Ф.А. Вольфа можно говорить о разделении гомероведения на два основных направления: аналитики, соглашавшиеся с немецким ученым, продолжали накопление фактического материала – новых противоречий в «Илиаде» и «Одиссее» – и пытались объяснить формирование первого греческого эпоса; унитарии аргументировали единство поэм их сюжетным единством. Основные аргументы аналитиков сводились к наличию в гомеровских поэмах анахронистичных сцен (как, например, поединок Париса и Менелая или беседа Елены и Приама на стене об ахейских вождях, более уместные в начале войны, а не на десятом году) и внутренних противоречий

---

<sup>1</sup> В последние десятилетия появилось множество обобщающих и историографических работ, в которых рассматривается эволюция гомероведения. См., например: *A New Companion to Homer* / Ed. by I. Morris, V. Powell. Leiden, 1997; *The Cambridge Companion to Homer* / Ed. by R. Fowler. Cambridge, 2004; Гринцер Н.П. Гомер на рубеже эпох // ШАГИ. 2015. Т1. №2. С. 23 – 53.

<sup>2</sup> В 1985 г. вышел комментированный английский перевод классической работы. См. Wolf F.A. *Prolegomena to Homer*. Princeton, 1985.

(воскрешение ранее убитых героев, меняющееся число послов к Ахиллу). Аналитическое направление оказалось более насыщенным и динамично развивавшимся в XIX – XX вв. В его рамках появлялись новые теории происхождения гомеровских поэм. Первой стоит указать концепцию «малых песен» К. Лахмана, предполагавшую формирование поэм из отдельных малых сказаний, которые сводились в единый текст. Вторая концепция – «основного ядра» – предполагала постепенное расширение одной небольшой поэмы за счет включения в нее многочисленных сюжетов из традиции. Позиции унитариев в споре выглядели несколько слабее, поскольку они апеллировали к традиционным аргументам – целостности сюжета поэм, общему масштабу произведений.

В первой половине XX в. дискуссия аналитиков и унитариев, по сути, зашла в тупик. Однако количественный рост гомероведческих исследований привел к серьезному качественному прорыву. Одним из двух направлений, заметно изменивших наши представления о гомеровском эпосе, стал неоанализм. Основателем его считается немецкий филолог В. Шадевальдт<sup>3</sup> и опирается оно на аналитические исследования предшествующего периода. Рассматривая гомеровскую традицию, неоаналитики сконцентрировались на изучении ее соотношения с другой эпической традицией. Конечно, эта традиция дошла до нас только во фрагментах и пересказах, но определенные сюжетные параллели удалось выявить и на этом материале<sup>4</sup>. Исследование показало наличие в гомеровском тексте многочисленных параллелей и цитат из киклических поэм. Эти цитаты, в свою очередь, предполагают наличие в поэмах Гомера единого авторского замысла. Впрочем, признание последнего не мешает считать неаутентичными отдельные части поэм, например, знаменитую «Долонию»<sup>5</sup>.

---

<sup>3</sup> Schadewaldt W. Iliasstudien. Leipzig, 1938; Idem. Von Homers Welt und Werk. Aufsätze und Auslegungen zur homerischen Frage. Leipzig, 1944.

<sup>4</sup> Примеры см. Kelly A. Neanalysis and the Nestorbedraengnis. A test case // Hermes. Bd. 134. 2006. P. 1–25; Kullman W. Die Quellen der Ilias. Wiesbaden, 1960.

<sup>5</sup> Danek G. Studien zur Dolonie. Wien, 1988.

Второй качественный прорыв в исследовании гомеровских поэм связан с так называемой «устной теорией», разработанной американскими филологами М. Пэрри<sup>6</sup> и А. Лордом<sup>7</sup> в 1920–1930-е годы. М. Пэрри тоже поставил гомеровский эпос в широкий контекст, но не недошедшего до нас древнегреческого эпоса, а эпоса вообще. Ключевым материалом для сравнения стала живая устная эпическая поэзия балканских народов. Первый вывод, к которому пришли американские филологи, заключается в том, что устное произведение не существует в рамках четко зафиксированного текста, но каждый раз заново создается в процессе исполнения. Исполнение эпоса отличается даже у одного автора, никогда текст не воспроизводится дословно. Соответственно, каждый певец является автором своей версии исходного произведения. В качестве механизма для запоминания и воспроизведения текста используются формулы – короткие устойчивые словосочетания или строки – и темы – определенная последовательность действий, покрывающая распространенный в эпосе сюжет, например, «героя, собирающегося в бой».

В настоящее время поле исследования гомеровских поэм сосредоточилось на нескольких направлениях. Во-первых, продолжается работа над анализом структуры поэм. С одной стороны, исследователи, работающие в рамках «устной теории», продолжают разработку гомеровских формул, уточняя понятие, составляя перечни формул в гомеровской поэзии<sup>8</sup>. С другой, в неоаналитической парадигме продолжают исследоваться параллели гомеровской поэзии с другим греческим эпосом. Эти исследования привели к пересмотру некоторых устоявшихся ранее положений, например, о том, что киклические поэмы следовали за

---

<sup>6</sup> Основные статьи М. Пэрри, рано ушедшего из жизни, опубликованы в сборнике Parry M. *The Making of Homeric Verse: The Collected Papers of Milman Parry*. Oxford, 1971.

<sup>7</sup> Лорд А. Сказитель. М., 1994.

<sup>8</sup> Bakker E. *Poetry in Speech: Orality and Homeric Discourse*. London, 1997; Edwards M. W. *Sound, Sense and Rhythm. Listening to Greek and Latin Poetry*. Princeton, 2002; Finkelberg M. *Oral Theory and the limits of formulaic diction // Oral Tradition*. Vol. 19. 2004. P. 236–252; Nagy G. *Homer's Text and Language*. Champaign, 2004.

«Илиадой» и «Одиссеей», закрывая те сюжеты, которые не были охвачены Гомером. Теперь исследователям удалось аргументировать то, что киклические поэмы могли предшествовать гомеровским или быть одновременными с ними<sup>9</sup>. Во-вторых, важнейшим вопросом является проблема даты записи поэм. Наиболее ранним из предложенных вариантов является VIII в. до н.э. Эта дата находит опору в традиции и, при этом, соотносится с появлением алфавитного письма в Греции. В работах Б. Пауэлла появление письма в Греции даже напрямую связывается с потребностью в записи гомеровских поэм<sup>10</sup>. Ряд исследователей датируют записи поэм VII в. до н.э.<sup>11</sup>, опираясь на отдельные реалии, которые удается выявить в их текстах. Наиболее радикальный пересмотр датировок, предложенных традицией, предложил Г. Надь<sup>12</sup>. Являясь сторонником «устной теории», Г. Надь полагает, что гомеровские поэмы бытовали в устном формате до появления александрийской филологии<sup>13</sup>. Естественно, разные варианты гомеровских поэм записывались. Но только в III в. до н.э. в связи с работой александрийских филологов был составлен канонический текст, известный нам сейчас. Следует заметить, что эта гипотеза не противоречит традиции об исполнении и записи гомеровских поэм в архаический и классический периоды. Она объясняет также существование найденных в Египте папирусов с гомеровскими строками, которые мы не находим в известном нам тексте поэм.

Важной проблемой, разрабатывающейся в историографии, является проблема историчности самого Гомера. Наименьший авторитет, конечно, имеют в настоящий момент попытки реконструировать полноценного

---

<sup>9</sup> Burgess J. The non-Homeric Cypria // Transaction of the American Philological Association. Vol. 126. 1996. P. 77–99.

<sup>10</sup> Powell B. Homer and the Origin of the Greek Alphabet. Cambridge, 1991.

<sup>11</sup> Burkert W. The making of Homer in the sixth century B.C.: Rhapsodes vs. Stesichorus // Papers on the Amasis Painter and his World. Malibu, 1987. P. 43–62; West M. Date of the Iliad // Museum Helveticum. Vol. 52. 1995. P. 203–219.

<sup>12</sup> Nagy G. Homeric Questions. Austin, 1996. P. 29–57.

<sup>13</sup> Об александрийских филологах см. работы: Файер В.В. Александрийская филология и гомеровский гекзаметр. М., 2010; Он же. Рождение филологии. «Илиада» в Александрийской библиотеке. М., 2013.



исторического Гомера, изучить его биографию<sup>14</sup>. Более популярна точка зрения, рассматривающая Гомера как редактора или одного из исполнителей «Илиады» и «Одиссеи»<sup>15</sup>.

Наконец, важное место занимают исторические исследования, в которых проводятся попытки реконструировать отражение исторических реалий в гомеровских поэмах. Вопрос о том, можно ли использовать гомеровские поэмы как исторический источник, сложен и вызывает споры среди исследователей. Ряд ученых полагает, что, несмотря на концентрацию разновременных элементов, гомеровские поэмы все же отражают некоторую историческую реальность. Следовательно, исследователь способен вычленив необходимую информацию, сопоставляя данные поэм с другими источниками – восточными архивами, археологическими материалами, данными письменных документов Крито-Микенской цивилизации<sup>16</sup>. Отдельные исследователи, впрочем, полагают, что вычленив историческую реальность из поэм практически невозможно<sup>17</sup>.

Проблема гомеровской этики тесно связана с этим, последним, кругом вопросов и тесно смыкается с проблемой изучения гомеровской аристократии и аристократического кодекса чести. В первую очередь, хочется отметить здесь работу В. Йегера «Пайдейя». Автор уделил внимание формированию понятия *арете*, как обязательному атрибуту аристократа и благородного человека. На примере Ахилла, Аякса и Одиссея он демонстрирует важность для греков сочетания физической красоты и силы с благородством и храбростью. В контексте нашей работы интересно, что В. Йегер предлагает не упрощать конфликт Ахилла с Агамемноном, так как

---

<sup>14</sup> Из известных нам примеров см. Latacz I. *Homer, His Art and His World*. Ann Arbor, 1996; Панченко Д.В. Гомер, «Илиада», Троя. СПб., 2016.

<sup>15</sup> Foley J.M. *Homer's Traditional Art*. University Park, 1999. P. 50.

<sup>16</sup> См., например: Андреев Ю.В. Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции в XI–VIII вв. до н.э. СПб., 2004. С. 34–55; Он же. Об историзме гомеровского эпоса // ВДИ. 1984. №4. С. 3–11; Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996; Зайцев А.И. Поэмы Гомера как исторический источник // Зайцев А.И. Избранные статьи. СПб., 2003. С. 175–190.

<sup>17</sup> Snodgrass A.M. *An Historical Homeric Society?* // JHS. 1974. Vol. 94. P. 114–125.

покушение на арете героя было серьезным ударом не только по личной гордости, но и по всей системе отношений в ахейском войске<sup>18</sup>.

Важнейшими работами по этой проблематике являются сочинения Грегори Надя, среди которых есть серия статей и специальное монографическое исследование<sup>19</sup>. Г. Надь концентрирует свое внимание на Ахилле и Одиссее, которых воспринимает как идеальных гомеровских героев. Он рассматривает проблемы взаимоотношений героев с богами и обычными людьми, отличительных черт архаических героев. Разумеется, затрагивает Г. Надь и проблемы моральной оценки гомеровских героев, подчеркивая важность для них похвалы и порицания окружающих.

Важное место этические особенности поведения гомеровских героев занимают в работе С. Шайна<sup>20</sup>. Автор концентрируется на традиционных примерах из текста «Илиады», в которых отражаются определенные модели поведения и качества героя – необходимость сражаться в первых рядах войска, отличаться на поле боя, выступать в качестве судей. Подобные топоры и примеры рассматриваются и в других исследованиях.

Заключая обзор историографии, мы хотим отметить, что проблема бегства в гомеровских поэмах встречается весьма редко. Однако в последние годы она стала интересовать исследователей в связи с открытием нового фрагмента архаического поэта Архилоха<sup>21</sup>. Так как этот фрагмент относится к сюжету, связанному с троянским походом и концентрируется на проблеме допустимости бегства с поля боя, он спровоцировал новый виток споров о том, как соотносится этика Архилоха с этикой Гомера. Впрочем, эти сравнительные исследования не ставят целью анализ гомеровских поэм в

---

<sup>18</sup> Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. Т. 1. М., 2001. С. 29–42.

<sup>19</sup> Nagy G. *The Best of the Achaeans: Concepts of the Hero in Archaic Greek Poetry*. Baltimore, 1979; Idem. *The Epic Hero // A Companion to Ancient Epic* / Ed. by J.M. Foley. P. 71–89; Idem. *Hero // The Homer Encyclopedia* / Ed. by M. Finkelberg. P. 348–350.

<sup>20</sup> Schein S.L. *The Mortal Hero. An Introduction to Homer's Iliad*. Berkely-Los Angelos-London, 1984.

<sup>21</sup> Barker E., Christensen J. *Flight Club: The New Archilochus Fragment and its Resonance with Homeric Epic // Materiali e discussioni per l'analisi dei testi classici*. Vol. 57. 2006. P. 9–41.

целом, но концентрируются на отдельных случаях, когда гомеровские герои эксплицитно выражают свое намерение бежать с поля боя или отношение к этому намерению, сопоставляя полученные результаты с тем, что мы находим у Архилоха. Таким образом, обзор литературы показывает, что поставленная в работе проблематика является недостаточно исследованной современной в историографии.

**Методологическая база** исследования. Работа строится на принципах историзма и объективности. В качестве основного метода для изучения отношения героев к отступлению и бегству с поля боя и конкретных примеров таких действий используется историко-сравнительный. Также применяются общелогические методы – анализ, синтез, индукция, дедукция. Помимо этого, используются приемы, выработанные в современных методологических подходах, например, в таком направлении, как «история понятий».

**Структура работы.** Исследование включает в себя введение, две главы, заключение, список источников и литературы.

## Глава 1. Семантика и случаи отступления и бегства с поля боя в гомеровском эпосе

### 1. Терминология, используемая для обозначения отступления и бегства с поля боя в гомеровском эпосе.

Важнейшим вопросом, который необходимо рассмотреть в первую очередь, является проблема терминологии, которую применяет Гомер для обозначения отступления и бегства с поля боя. Эта терминология очень разнообразна, представлена как глагольными формами, так и отглагольными причастиями. Мы начнем с терминов, которые обозначают отступление с поля боя.

Наиболее частым словом, которое используется для обозначения отступления, является глагол  $\chi\acute{\alpha}\zeta\omicron\mu\alpha\iota$  (III 32; IV. 535; V. 34, 249, 440, 443, 600, 626, 702, 822; VII. 264; XI. 461, 504, 539, 585; XII. 172, 262, 407; XIII. 148, 153, 165, 193, 533, 566, 596, 648, 740; XIV. 408; XV. 426, 728; XVI. 122, 707, 710, 736, 817, 819; XVII. 13, 47, 108, 129, 357; XVIII. 160; XXI. 403, в списке учтены случаи использования слова с приставками). Основное значение этого слова «отступить», «уступить», «отпрянуть», «отшатнуться». Преимущественно,  $\chi\acute{\alpha}\zeta\omicron\mu\alpha\iota$  используется в тех случаях, когда речь идет об отступлении на поле боя. Обычно это отступление не означает прекращения сражения, просто один из воинов пытается избежать невыгодной ситуации для того, чтобы снова вернуться в битву. Стоит отметить, что  $\chi\acute{\alpha}\zeta\omicron\mu\alpha\iota$  используется в распространенной гомеровской формуле –  $\alpha\psi\ \delta'\ \acute{\epsilon}\tau\acute{\alpha}\rho\omega\nu\ \epsilon\iota\varsigma\ \acute{\epsilon}\theta\nu\omicron\varsigma\ \acute{\epsilon}\chi\acute{\alpha}\zeta\epsilon\tau\omicron\ \kappa\eta\rho'\ \acute{\alpha}\lambda\epsilon\epsilon\acute{\iota}\nu\omega\nu$  – встречающейся в тексте семь раз (II. III. 32; XI. 585; XIII. 566; 596; 648; XIV. 408; XVI. 817). Еще в двух случаях мы встречаем только первую часть этой строки  $\alpha\psi\ \delta'\ \acute{\epsilon}\tau\acute{\alpha}\rho\omega\nu\ \epsilon\iota\varsigma\ \acute{\epsilon}\theta\nu\omicron\varsigma\ \acute{\epsilon}\chi\acute{\alpha}\zeta\epsilon\tau\omicron$ , за которой следует иное завершение (XIII. 165; 533). Эта формула обозначает типовую ситуацию, когда один из персонажей сражается перед строем, а затем, при неудачном исходе боя, пытается отступить в ряды

товарищей для собственного спасения. Следует также отметить, что этот термин ни разу не встречается в «Одиссее» в интересующем нас значении.

Также для обозначения отступления с поля боя используется слово  $\chi\omega\rho\acute{\epsilon}\omega$ , обычно применяемое с различными приставками, чаще всего, в форме  $\acute{\alpha}\nu\alpha\chi\omega\rho\acute{\epsilon}\omega$ . Семантически оно близко соотносится с предыдущим и переводится как «отступать», «отходить», «отшатываться». Помимо этого, глагол может переводиться как «идти вперед», «продвигаться» или как «вмешать в себя», «содержать». Нас, разумеется, интересует только первое значение, которое встречается в «Илиаде» не так уж редко (II. III. 35<sup>22</sup>; IV. 505; V. 107; VI. 107; X. 210, 411<sup>23</sup>; XI. 189; 440; XII. 406; XIII. 457, 476, 724; XV. 655; XVI. 588, 592; XVII. 30, 101, 316, 533, 729; XX. 196, 335). Преимущественно, слово используется в тех случаях, когда обозначается небольшое отступление с поля боя, либо один из героев избегает сражения, уклоняется от битвы. Несколько раз оно встречается в прямой речи в качестве совета или приказания отступить одного из противников другому. В «Одиссее», опять же, термин встречается крайне редко (Od. XVII. 453, 461; XXII. 270) и всего один раз в значении, близком к интересующему нас (Od. XXII. 270). В последнем случае речь идет о женихах, которые отступают от стреляющего в них Одиссея.

Куда более редко, чем два вышеприведенных термина используется в значении «отступать» слово « $\epsilon\acute{\iota}\kappa\omega$ » (II. V. 606; XI. 204). По значению оно принципиально не отличается от  $\chi\omega\rho\acute{\epsilon}\omega$  и  $\chi\acute{\alpha}\zeta\omicron\mu\alpha\iota$ .

Для обозначения бегства чаще всего в «Илиаде» используется глагол  $\phi\epsilon\acute{\upsilon}\gamma\omega$ , который можно перевести как «бежать», «избегать», а также производные от него слова (II. I. 60, 173; II. 74, 140, 665; V. 56, 80, 532; VI. 36, 82; VIII 94, 95, 157, 344, 511; IX. 27, 47, 448, 478; X. 147, 327, 359; 398; XI. 150,

---

<sup>22</sup> В этом случае речь идет о путнике, которые пугается змеи в горах и отшатывается от нее.

<sup>23</sup> Строки 210 и 411 в «Долонии» полностью повторяют друг друга.

159, 311, 327, 477, 568; XII. 123; XIII. 817; XIV. 80, 81, 146, 260; XV. 2, 63, 233, 342, 564, 588; XVI. 71, 422, 657, 658; XVII. 461, 761; XVIII. 150; XX. 190, 402; XXI. 13, 23, 35, 52, 129, 256, 472, 542, 554, 558, 580, 609; XXII. 157, 158, 199, 200, 283). Глагол φεύγω в интересующем нас значении используется для обозначения убегающего войска, убегающих персонажей, отглагольные существительные обозначают беглецов. Однажды встречаем мы это слово в интересующем нас контексте и в «Одиссее» (Od. IX. 43). Эта редкость объяснима тем, что во второй гомеровской поэме персонажам достаточно редко приходится вступать на поле боя. Соответственно, и возможностей с него убежать у них существенно меньше.

Наконец, последнее слово, которое можно перевести в значении «бежать», «убегать в страхе» – φοβέω (VIII. 149, 342; X. 510; XII. 470; XV. 345; 666; XVI. 356; XXI. 4). Оно встречается в нужном нам значении реже, чем φεύγω.

Помимо тех случаев, когда отступление или бегство обозначено специальным словом, мы встречаем многочисленные ситуации, в которых отступление или бегство выражено самим описанием ситуации.

## **2. Случаи отступления и бегства с поля боя у Гомера**

В данной пункте мы проследим случаи отступления и бегства с поля боя в «Илиаде» и «Одиссее», которые не сопровождаются речами персонажей. Соответственно, нашей целью будет проследить, кто из персонажей или воюющих сторон отступает с поля боя и какими ремарками сопровождает эти действия автор поэм.

Случаи отступления и бегства, не сопровождающиеся речами персонажей, в наибольшей степени сконцентрированы в тех песнях, где происходят масштабные столкновения ахейского и троянского войск. Это коррелирует с тем, какие именно слова используются для обозначения соответствующих действий.

В начале третьей песни «Илиады» мы сталкиваемся с отступлением одного из героев с поля боя. Парис, вышедший из строя для поединка с кем-либо из ахейцев, отступает, увидев выступившего против него Менелая. Гомер сравнивает троянца с путником, встретившим змею на горной тропе и бегущим от смерти (II. III. 30–35)<sup>24</sup>.

В четвертой песне после начала сражения между троянцами и ахейцами Одиссей убивает сына Приама Демокоона, и передовые ряды троянского войска (πρόμαχοι), включая Гектора, подаются назад (II. IV. 505)<sup>25</sup>. Только после того, как Аполлон призывает троянцев сражаться и указывает на отсутствие в рядах ахейцев Ахилла, ход боя выравнивается.

Еще в одном эпизоде четвертой песни отступает, окруженный превосходящими войсками греческий герой Фоас (II. IV. 532–535)<sup>26</sup>. Перед этим Фоас убивает Пироса – вождя фракийцев – и собирается снять с него доспехи. Однако Фоаса окружают фракийцы, защищающие тело погибшего предводителя.

В начале пятой песни против Диомеда выступают два брата – сыновья жреца бога Гефеста. Одного из братьев греческий герой убегает, второй – Идей – спрыгивает и оставляет колесницу, не решаясь вступить в бой за тело погибшего (II. V. 20–21)<sup>27</sup>. Идея спасает Гефест. Тем не менее, судьба братьев

---

<sup>24</sup> Τὸν δ' ὡς οὖν ἐνόησεν Ἀλέξανδρος θεοειδῆς  
ἐν προμάχοισι φανέντα, κατεπλήγη φίλον ἦτορ,  
ἅψ δ' ἐτάρων εἰς ἔθνος ἐχάζετο κῆρ' ἀλεείνων.  
ὡς δ' ὅτε τίς τε δράκοντα ἰδὼν παλίνορσος ἀπέστη  
οὔρεος ἐν βήσσης, ὑπὸ τε τρόμος ἔλλαβε γυῖα,  
ἅψ δ' ἀνεχώρησεν, ὥχρος τέ μιν εἶλε παρειάς,

<sup>25</sup> χῶρησαν δ' ὑπὸ τε πρόμαχοι καὶ φαίδιμος Ἴκτωρ·

<sup>26</sup> τεύχεα δ' οὐκ ἀπέδυσε· περίστησαν γὰρ ἐταῖροι  
Θρηῖκες ἀκρόκομοι δολίχ' ἔγχεα χερσὶν ἔχοντες,  
οἳ ἐ μέγαν περ ἔοντα καὶ ἴφθιμον καὶ ἀγαυὸν  
ᾤσαν ἀπὸ σφείων· ὃ δὲ χασσάμενος πελεμίχθη.

<sup>27</sup> Ἴδαῖος δ' ἀπόρουσε λιπῶν περικαλλέα δίφρον,  
οὐδ' ἔτλη περιβῆναι ἀδελφειοῦ κταμένοιο·

– один избежал сражения, второй погиб (II. V. 27–28)<sup>28</sup> – оказывает негативное воздействие на боевой дух троянских войск. Нам представляется, что причастие от глагола ἀλεύομαι здесь стоит трактовать, как избегание смерти одним из братьев. Тем не менее, это избегание заключалось в том, что героя вынес с поля боя Гефест.

В развернувшемся в пятой песне сражении нам встречаются многочисленные случаи неудачного бегства или отступления. Агамемнон выбивает из колесницы вождя Гализонов Годия. Годий, упав с колесницы, пытается убежать и убит в спину Агамемноном (II. V. 38–40)<sup>29</sup>. Менелай убивает бегущего рядом Строфида ударом в спину (II. V. 55–57)<sup>30</sup>. Поведение троянца объясняется, видимо, тем, что он лучник. Вероятно, Строфид перед столкновением с царем Спарты бежал, избегая ближнего боя с ахейцами. Эврипил убивает убегающего Гипсенора (II. V. 80–81)<sup>31</sup>. Стоит отметить, что все три приведенные примера представляют одну формулу с некоторыми вариациями. Они здесь соответствуют ситуации, при которой троянцы отступают перед сильнейшими ахейскими героями и погибают, пораженные ударом в спину.

Ахейские герои также вынуждены отступать в сражении. Диомед отступает, получив ранение в плечо от лучника Пандара. Впрочем, это отступление не было длительным, хотя Пандар и успеваешь похвалиться тем, что поразил виднейшего ахейского героя. Диомед отходит к своей колеснице

---

<sup>28</sup> Τρῶες δὲ μεγάθυμοι ἐπεὶ ἴδον υἷε Δάρητος  
τὸν μὲν ἀλευάμενον, τὸν δὲ κτάμενον παρ' ὄχεσφι.

<sup>29</sup> πρῶτος δὲ ἄναξ ἀνδρῶν Ἀγαμέμνων  
ἀρχὸν Ἀλιζώνων Ὀδίων μέγαν ἔκβαλε δίφρου·  
πρῶτῳ γὰρ στρεφθέντι μεταφρένῳ ἐν δόρῳ πῆξεν.

<sup>30</sup> ἀλλὰ μιν Ἀτρεΐδης δουρικλειτὸς Μενέλαος  
πρόσθεν ἔθεν φεύγοντα μεταφρένον οὔτασε δουρὶ  
ῶμων μεσσηγύς, διὰ δὲ στήθεσφιν ἔλασεν.

<sup>31</sup> τὸν μὲν ἄρ' Εὐρύπυλος, Εὐαίμονος ἀγλαὸς υἱός,  
πρόσθεν ἔθεν φεύγοντα μεταδρομάδην ἔλασ' ῶμον  
φασγάνῳ ἀΐξας.



и просит у возницы Сфенела извлечь стрелу из плеча (II. V. 107–108)<sup>32</sup>. Затем ахейский герой обращается за помощью к Афине, которая придает Диомеду сил, и возвращается в битву, продолжая истребление троянцев.

Эней, убивший до этого двух греческих героев, отступает, столкнувшись с Менелаем и Антилохом (II. V. 571–572)<sup>33</sup>. Первым против троянского героя выступает Менелай, с которым Эней собирается сразиться. Этот бой спровоцирован Аресом, который распаляет Менелая, чтобы тот погиб от рук превосходящего по силам троянского героя. Однако, когда против Энея выступает еще и Антилох, соотношение сил меняется и Эней не остается против двух ахейских воинов.

От численно превосходящих врагов отступает и Аякс Теламонид. Убив троянца Амфия, герой пытается сорвать с погибшего доспехи. Однако Аякс страдает от троянских стрел и видит наступающих на него многочисленных врагов. Испугавшись окружения, ахейский герой предпочитает отступить, оставив доспехи на погибшем троянце (II. V. 620–626)<sup>34</sup>.

Восьмая песня практически целиком посвящена отступлению ахейцев, которое спровоцировано знамениями Зевса, который мечет молнии в греческое войско. При таком явном знамении главного из богов остаться на поле боя не смеют даже лучшие ахейские герои – Идомей, Агамемнон, Аяксы (II. VIII. 75–79)<sup>35</sup>. Однако в этом бегстве встречаются и многочисленные частные случаи отступлений с поля боя.

---

<sup>32</sup> ἀλλ' ἀναχωρήσας πρόσθ' ἵπποιιν καὶ ὄχεσφι  
ἔσθη, καὶ Σθένελον προσέφη Καπανηϊῖον υἱόν·

<sup>33</sup> Αἰνείας δ' οὐ μείνε θεός περ ἐὼν πολεμιστῆς  
ὡς εἶδεν δύο φῶτε παρ' ἀλλήλοισι μένοντε.

<sup>34</sup> αὐτὰρ ὁ λάξ προσβὰς ἐκ νεκροῦ χάλκεον ἔγχος  
ἔσπάσατ'· οὐδ' ἄρ' ἔτ' ἄλλα δυνήσατο τεύχεα καλὰ  
ᾧμοιιν ἀφελέσθαι· ἐπείγετο γὰρ βελέεσσι.  
δεισε δ' ὁ γ' ἀμφίβασιν κρατερῆν Τρώων ἀγερώχων,  
οἱ πολλοί τε καὶ ἐσθλοὶ ἐφέστασαν ἔγχε' ἔχοντες,  
οἱ ἔ μέγαν περ ἐόντα καὶ ἴφθιμον καὶ ἀγαυὸν  
ᾧσαν ἀπὸ σφείων· ὁ δὲ χασσάμενος πελεμίχθη.

<sup>35</sup> αὐτὸς δ' ἐξ Ἴδης μεγάλ' ἔκτυπε, δαιόμενον δὲ

Бегство на время прерывается после того, как Агамемнон обращается к ахейцам и стыдит их за то, что они забыли о храбрости и бегут. Также Агамемнон просит у Зевса знамение того, что бог не планирует уничтожить ахейские войска. Поданный Зевсом знак – орел – воодушевляет ахейцев, и они возвращаются к бою. Диомед первым переправляется через ров и убивает троянца Агелая, повернувшегося на колеснице, чтобы убежать от греческого героя (II. VIII. 253–259)<sup>36</sup>.

Сражение, впрочем, оказывается недолгим. Зевс снова отдает победу троянцам и обращает ахейцев в бегство. Все ахейцы бегут перед Гектором. Гомер сравнивает троянского героя с псом, преследующим льва или вепря. Гектор во время погони убивает последних среди бегущих ахейцев. Только когда ахейцы пересекают ров и стену, останавливаясь перед кораблями, бегство прекращается (II. VIII. 335–347)<sup>37</sup>.

---

ἦκε σέλας μετὰ λαὸν Ἀχαιῶν· οἱ δὲ ἰδόντες  
θάμβησαν, καὶ πάντα ὑπὸ χλωρὸν δέος εἶλεν.  
Ἐνθ' οὐτ' Ἴδομενεὺς τλῆ μίμνειν οὐτ' Ἀγαμέμνων,  
οὐτε δὺ' Αἴαντες μενέτην θεράποντες ἼΑρηος·  
<sup>36</sup> Ἐνθ' οὐ τις πρότερος Δαναῶν πολλῶν περ' ἐόντων  
εὗξατο Τυδεΐδαο πάρος σχέμεν ὠκέας ἵππους  
τάφρου τ' ἐξελάσαι καὶ ἐναντίβιον μαχέσασθαι,  
ἀλλὰ πολὺ πρῶτος Τρώων ἔλεν ἄνδρα κορυστήν  
Φραδμονίδην Ἀγέλαον· ὁ μὲν φύγαδ' ἔτραπεν ἵππους·  
τῷ δὲ μεταστρεφθέντι μεταφρένω ἐν δόρῳ πῆξεν  
ὤμων μεσσηγύς, διὰ δὲ στήθεσφιν ἔλασεν·  
<sup>37</sup> Ἄψ δ' αὐτίς Τρώεσσιν Ὀλύμπιος ἐν μένος ὤρσεν·  
οἱ δ' ἰθὺς τάφροιο βαθείης ὤσαν Ἀχαιοὺς·  
Ἐκτωρ δ' ἐν πρώτοισι κίε σθένει βλεμεαίνων.  
ὡς δ' ὅτε τίς τε κύων σὺδὸς ἀγρίου ἢ λέοντος  
ἄπτηται κατόπισθε ποσὶν ταχέεσσι διώκων  
ἰσχία τε γλουτούς τε, ἐλισσόμενόν τε δοκεύει,  
ὡς Ἐκτωρ ὠπαζε κάρη κομόωντας Ἀχαιοὺς,  
αἰὲν ἀποκτείνων τὸν ὀπίστατον· οἱ δὲ φέβοντο.  
αὐτὰρ ἐπεὶ διὰ τε σκόλοπας καὶ τάφρον ἔβησαν  
φεύγοντες, πολλοὶ δὲ δάμεν Τρώων ὑπὸ χερσίν,  
οἱ μὲν δὴ παρὰ νηυσὶν ἐρητύοντο μένοντες,  
ἀλλήλοισί τε κεκλόμενοι καὶ πᾶσι θεοῖσι  
χεῖρας ἀνίσχοντες μεγάλ' εὐχετόωντο ἕκαστος·

Десятая песня, посвященная экспедиции Одиссея и Диомеда в троянский лагерь, как уже говорилось выше, вызывает сомнения с точки зрения ее аутентичности, тем не менее, мы не будем исключать ее из исследования. Нас интересует здесь ситуация с Долоном, который предпринимает разведывательную экспедицию в лагерь ахейцев. Одиссей и Диомед первыми видят троянца и устраивают ему ловушку. Когда Долон замечает преследователей и узнает в них врагов, он начинает убегать от них. Убегающего Долона Гомер сравнивает с молодым оленем или зайцем, которого преследуют охотничьи псы (П. X. 358–364)<sup>38</sup>. Стоит заметить, что Долон выступает в «Илиаде» резко отрицательным персонажем<sup>39</sup>. Во-первых, в качестве награды за выполнение разведывательной миссии он требует коней Ахилла, что совершенно не согласуется с его статусом. Это, кстати, отмечает и Одиссей в самом тексте поэмы (П. X. 401–404). Во-вторых, во время погони, Долон пугается брошенного Диомедом копья и умоляет ахейцев о пощаде. Здесь бегство Долона является естественным результатом невысокого статуса персонажа, который сталкивается с первостепенными ахейскими героями и ведет себя совершенно неподобающим воину образом.

В одиннадцатой песне «Илиады» возобновляются сражения между ахейцами и троянцами. Первоначально победу одерживают ахейские герои и мы встречаем много случаев бегства их противников. В ходе бегства троянцев Агамемнон убивает двух сыновей Приама, которым никто из соратников не приходит на помощь, поскольку трояне бегут (П. XI. 120–

---

<sup>38</sup> γνῶ ῥ' ἄνδρας δηϊούς, λαίψηρά δὲ γούνατ' ἐνώμα  
φρυγέμεναι· τοὶ δ' αἶψα διώκειν ὀρμήθησαν.  
ὡς δ' ὅτε καρχαρόδοντε δῦω κύνε εἰδότε θήρης  
ἢ κεμάδ' ἢ ἐλαγῶν ἐπείγεται ἐμμενὲς αἰεὶ  
χῶρον ἀν' ὑλήενθ', ὃ δέ τε προθήσει μεμηκῶς,  
ὡς τὸν Τυδεΐδης ἠδ' ὁ πτολίπορθος Ὀδυσσεὺς  
λαοῦ ἀποτμήξαντε διώκετον ἐμμενὲς αἰεὶ.

<sup>39</sup> Характеристики Долона см. в работе Туманс Х. «Львы» и «волки» у Гомера: заметки к эпической «Табели о рангах» // Аристей. 2011. Вып. IV. С. 39–41.

121)<sup>40</sup>. Бегство троянцев приводит к большим потерям пеших. Гомер сравнивает гибель отстающих троянцев от рук Агамемнона с тем, как огонь уничтожает лес<sup>41</sup>. Отступление троян продолжалось до Скейских ворот. Гомер проводит еще одно сравнение сопоставляя бегущих с коровами, напуганными львом (Π. XI. 170–178)<sup>42</sup>.

Зевс, планируя завершить бой поражением ахейцев, посылает вестницу Ириду к Гектору. Богиня советует герою троянцев отступать от боя с Агамемноном и только побуждать других воинов вступать в бой. Только после ранения Агамемнона Гектор должен вступить в битву с ахейцами (Π. XI. 202–209)<sup>43</sup>. Вскоре Агамемнон сталкивается с сыновьями Антенора.

---

<sup>40</sup> ὥς ἄρα τοῖς οὐ τις δύνατο χραισμῆσαι ὄλεθρον  
Τρώων, ἀλλὰ καὶ αὐτοὶ ὑπ' Ἄργείοισι **φέβοντο**.

<sup>41</sup> πεζοὶ μὲν πεζοὺς ὄλεκον **φεύγοντας** ἀνάγκη,  
ἵππεῖς δ' ἵππηϊας· ὑπὸ δέ σφισιν ὄρτο κονίη  
ἐκ πεδίου, τὴν ὄρσαν ἐρίγδουποι πόδες ἵππων  
χαλκῶ δηϊόνωντες· ἀτὰρ κρείων Ἄγαμέμνων  
αἰὲν ἀποκτείνων ἔπετ' Ἄργείοισι κελεύων.  
ὥς δ' ὅτε πῦρ αἰδηλὸν ἐν ἀξύλῳ ἐμπέση ὕλη,  
πάντη τ' εἰλυφόων ἄνεμος φέρει, οἱ δέ τε θάμνοι  
πρόρριζοι πίπτουσιν ἐπειγόμενοι πυρὸς ὄρμη·  
ὥς ἄρ' ὑπ' Ἄτρεΐδῃ Ἄγαμέμνονι πίπτε κάρηνα  
Τρώων **φευγόντων**, πολλοὶ δ' ἐριαύχενες ἵπποι  
κείν' ὄχεα κροτάλιζον ἀνὰ πτολέμοιο γεφύρας  
ἠνιόχους ποθέοντες ἀμύμονας· οἱ δ' ἐπὶ γαίῃ  
κείατο, γύπεσσιν πολὺ φίλτεροι ἢ ἀλόχοισιν.

<sup>42</sup> ἀλλ' ὅτε δὴ Σκαιάς τε πύλας καὶ φηγὸν ἴκοντο,  
ἔνθ' ἄρα δὴ ἴσταντο καὶ ἀλλήλους ἀνέμιμνον.  
οἱ δ' ἔτι καμ μέσσον πεδίων **φοβέοντο** βόες ὥς,  
ἅς τε λέων **εφόβησε** μολῶν ἐν νυκτὸς ἀμολγῶ  
πάσας· τῇ δέ τ' ἰὴ ἀναφαίνεται αἰπὺς ὄλεθρος·  
τῆς δ' ἐξ αὐχέν' ἔαξε λαβῶν κρατεροῖσιν ὀδοῦσι  
πρῶτον, ἔπειτα δέ θ' αἶμα καὶ ἔγκατα πάντα λαφύσσει·  
ὥς τοὺς Ἄτρεΐδης ἔφεπε κρείων Ἄγαμέμνων  
αἰὲν ἀποκτείνων τὸν ὀπίστατον· οἱ δ' **εφέβοντο**.

<sup>43</sup> ὄφρ' ἂν μὲν κεν ὄρας Ἄγαμέμνονα ποιμένα λαῶν  
θύνοντ' ἐν προμάχοισιν, ἐναίροντα στίχας ἀνδρῶν,  
τόφρ' **ὑπόεικε** μάχης, τὸν δ' ἄλλον λαὸν ἄνωχθι  
μάρνασθαι δηϊοῖσι κατὰ κρατερὴν ὑσμίνην.

Сначала он убивает Ифидаманта, а затем Коона. Последний, неожиданно напав, ранит царя Микен в локоть так, что копье пробивает руку (II. XI. 250–253). Раненный Агамемнон убивает Коона, а затем обходит ряды ахейцев, воодушевляя сражающихся. Затем царь Микен все же оставляет битву, поскольку боль от раны становится невыносимой. Гомер сравнивает ее с болью, которую испытывает роженица (II. XI. 267–274)<sup>44</sup>.

Рана Агамемнона изменяет ситуацию на поле боя. На этот раз ахейцы начинают убегать от троянцев. Прерывают бегство только обернувшиеся против врагов Диомед и Одиссей. Они сражают нескольких троянцев в то время, как остальные ахейцы отдыхают от бегства (II. XI. 326–327)<sup>45</sup>. Затем Диомед и Одиссей сражаются с Гектором, который избегает смерти от копья, брошенного Диомедом, благодаря крепкому шлему. Тем не менее, троянский герой оказывается отброшен к своим войскам (II. XI. 354–356)<sup>46</sup>. Оправившись от удара, Гектор на колеснице отступает к остальным троянцам (II. XI. 357–360)<sup>47</sup>.

---

αὐτὰρ ἐπεὶ κ' ἦ δουρὶ τυπεῖς ἢ βλήμενος ἰῶ  
εἰς ἵππους ἄλεται, τότε τοι κράτος ἐγγυαλίξει  
κτείνειν, εἰς ὃ κε νῆας εὐσσέλμους ἀφίκηαι  
δύη τ' ἠέλιος καὶ ἐπὶ κνέφας ἱερὸν ἔλθη.

<sup>44</sup> αὐτὰρ ἐπεὶ τὸ μὲν ἔλκος ἐτέρσετο, παύσατο δ' αἶμα,  
ὄξεϊαι δ' ὀδύνας δῦνον μένος Ἄτρεΐδαο.

ὡς δ' ὅτ' ἂν ὠδίνουσαν ἔχη βέλος ὄξυ γυναῖκα  
δριμύ, τό τε προῖεῖσι μογοστόκοι Εἰλείθυιαι  
Ἕρης θυγατέρες πικρὰς ὠδῖνας ἔχουσαι,  
ὡς ὄξεϊ ὀδύνας δῦνον μένος Ἄτρεΐδαο.

ἔς δίφρον δ' ἀνόρουσε, καὶ ἠνιόχῳ ἐπέτελλε  
νηυσὶν ἔπι γλαφυρῆσιν ἐλαυνέμεν· ἤχθετο γὰρ κῆρ.

<sup>45</sup> ὡς ὄλεκον Τρῶας πάλιν ὀρμένω· αὐτὰρ Ἀχαιοὶ  
ἀσπασίως φεύγοντες ἀνέπνεον Ἕκτορα δῖον.

<sup>46</sup> Ἕκτωρ δ' ὠκ' ἀπέλεθρον ἀνέδραμε, μίκτο δ' ὀμίλῳ,  
στῆ δὲ γνύξ ἐριπῶν καὶ ἐρείσατο χειρὶ παχεΐῃ  
γαίης· ἀμφὶ δὲ ὄσσε κελαινὴ νύξ ἐκάλυψε.

<sup>47</sup> ὄφρα δὲ Τυδεΐδης μετὰ δούρατος ᾤχετ' ἐρωήν  
τῆλε διὰ προμάχων, ὅθι οἱ καταείσατο γαίης  
τόφρ' Ἕκτωρ ἔμπνυτο, καὶ ἄψ ἔς δίφρον ὀρούσας  
ἐξέλασ' ἔς πληθύν, καὶ ἀλεύατο κῆρα μέλαιναν.

Πολε ρανηνί Αγαμεμνονα και Διομεδα, β κωτορο ποπαδαε ρρελοί Παριε, ρραηνηε ρκλαδιβαεταε β πολυεу τρωαντεβ. Γεκτορ υνηοηοαε αηейεε υοίεκα, νο ιεββαεαε ρραηνηεε ρ Αηεομ Τελαμονιδομ (Π. ΧΙ. 543)<sup>48</sup>. Οηοβυ οηδαε ποβεδυ τρωανταμ Ζεβε ναεулаε на Αηεα ρτραη, ι οηο υνηυοηεν οηοηυπηε. Πρη εγο οηοηυπηε Γομερ ποηορηκίβαε προεοηοηοε αηейεοκο γεροη наη τρωανταμ, κωτορηε νο μογυη ναηεεε εμυ ηηακοκο υροηα. Ποэт ρραηνηβαε Αηεα ρναοηα ρο λυβομ, κωτορο οηογνηυοη οηο δοβυοηι λυοηι ι πεу, α ηαηε ρ οηομ, κωτορο ποηαηυοηε προγνηε ρλαβεε ηεηι (Π. ΧΙ. 545–569)<sup>49</sup>. Νεομωηρη на ηο, οηο ιηογδα Αηεα οβραοηεεαε β βεγηεу, οηο οηοαηεεαε προεγρადοί ηηα τρωαντεβ, ρρεηηηηηεεαε κ αηейεοκίμ κωραβληαμ (Π. ΧΙ. 568–569).

<sup>48</sup> Αἴαντος δ' ἀλέεινε μάχην Τελαμωνιάδαο.

<sup>49</sup> Ζεὺς δὲ πατὴρ Αἴανθ' ὑψίζυγος ἐν φόβον ὤρσε·  
 οὐτῆ δὲ ταφῶν, ὄπιθεν δὲ σάκος βάλεν ἑπταβόειον,  
 τρέσσε δὲ παπτήνας ἐφ' ὀμίλου θηρὶ εὐκῶς  
 ἐντροπαλιζόμενος ὀλίγον γόνυ γουνὸς ἀμείβων.  
 ὡς δ' αἰθῶνα λέοντα βοῶν ἀπὸ μεσσαύλοιο  
 ἐσσεύαντο κύνες τε καὶ ἀνέρες ἀγροῖῶται,  
 οἳ τέ μιν οὐκ εἰῶσι βοῶν ἐκ πῖαο ἐλέσθαι  
 πάννουχοι ἐγρήσσοντες· ὁ δὲ κρειῶν ἐρατίζων  
 ἰθύει, ἀλλ' οὐ τι προήσσει· θαμέες γὰρ ἄκοντες  
 ἀντίον ἀἴσσουσι θρασειάων ἀπὸ χειρῶν  
 καιόμεναί τε δεταί, τάς τε τρεῖ ἐσσύμενός περ·  
 ἠῶθεν δ' ἀπὸ νόσφιν ἔβη τετιηότι θυμῶ·  
 ὡς Αἴας τότε ἀπὸ Τρώων τετιημένος ἦτορ  
 ἦἴε πόλλ' ἀέκων· περὶ γὰρ δῖε νηυσὶν Ἀχαιῶν.  
 ὡς δ' ὅτ' ὄνος παρ' ἄρουραν ἰὼν ἐβιήσατο παῖδαε  
 νωθῆε, ᾧ δὴ πολλὰ περὶ ῥόπαλ' ἀμφὶε ἐάγη,  
 κείρηι τ' εἰεελθῶν βαθὺ λήϊον· οἳ δὲ τε παῖδεε  
 τύπτουεε ῥοπάλοεε· βίη δὲ τε νηπίη αὐτῶν·  
 οηουδῆ τ' ἐξήλαεεε, ἐπειε τ' ἐκορέεεεατο φορβῆε·  
 ὡε τότε ἔπειε Αἴαντα μέγαν Τελαμώνιον υἷον  
 Τρώεε ὑπέρθυμοε πολυηγερέεεε τ' ἐπίκουροε  
 νύεεοντεε ζυεοηοἰεε μέεεον ράκοε αἷεν ἔποηηο.  
 Αἴαε δ' ἄλλοηε μὲν μνηεάεεεεο ηοούρηδοε ἀλκῆε  
 αὐηεε ὑποεηρεφηεἰε, καἰ ἐρηηύεεεεε φαλαγγαε  
 Τρώων ἰποδοάμων· ὅηε δὲ τρωπάεεεεο φεύγηε.

В двенадцатой песне речь идет о штурме троянцами ахейской стены. Поэтому мы можем отметить только два интересных нам случая. При штурме ахейской стены отступает раненный стрелой Тевкра Главк (Π. XII. 387–393)<sup>50</sup>. Заканчивается песня сценой, в которой Гектор пробивает ворота ахейского лагеря огромным камнем, и ахейцы бегут к кораблям (Π. XII. 471)<sup>51</sup>.

В тринадцатой песне соотношение сил на поле боя снова изменяется. Так как Зевс, успокоенный успехами троянцев, оставляет без внимания ахейский лагерь, в бой вступает Посейдон. Он помогает ахейцам и ситуация на поле боя выравнивается. В результате, в одной из сцен Гектор, пытавшийся снять доспехи с убитого, получает сильный удар от Аякса Теламонида и вынужден отступить (Π. XIII. 190–194)<sup>52</sup>.

В четырнадцатой песне также ключевым эпизодом сражения в лагере становится столкновение Гектора и Аякса Теламонида. Первым удар наносит Гектор, однако его удар не достигает цели, и троянский герой отступает к своим войскам (Π. XIV. 402–408)<sup>53</sup>. Однако Аякс подхватывает лежащий неподалеку камень и кидает его в отступающего Гектора (Π. XIV. 409–413).

---

<sup>50</sup> Τεῦκρος δὲ Γλαῦκον κρατερόν παῖδ' Ἴππολόχοιο  
 ἰῶ ἐπεσσύμενον βάλε τείχεος ὑψηλοῖο,  
 ἧ ῥ' ἶδε γυμνωθέντα βραχίονα, παῦσε δὲ χάρμης.  
 ἄψ δ' ἀπὸ τείχεος ἄλτο λαθῶν, ἵνα μὴ τις Ἀχαιῶν  
 βλήμενον ἀθρήσειε καὶ εὐχετόωτ' ἐπέεσσι.

Σαρπήδοντι δ' ἄχος γένετο Γλαύκου ἀπιόντος  
 αὐτίκ' ἐπεὶ τ' ἐνόησεν· ὅμως δ' οὐ λήθετο χάρμης,

<sup>51</sup> ποιητὰς ἐσέχυντο πύλας· Δαναοὶ δὲ φόβηθεν  
 νῆας ἀνὰ γλαφυράς, ὄμαδος δ' ἀλίσστος ἐτύχθη.

<sup>52</sup> Ἔκτορος· ἀλλ' οὐ πη χροὸς εἶσατο, πᾶς δ' ἄρα χαλκῶ  
 σμερδαλέῳ κεκάλυφθ'· ὃ δ' ἄρ' ἀσπίδος ὀμφαλὸν οὐτα,  
 ὣσε δέ μιν σθένει μέγλω· ὃ δὲ χᾶσσατ' ὀπίσσω  
 νεκρῶν ἀμφοτέρων, τοὺς δ' ἐξείρυσσαν Ἀχαιοί.

<sup>53</sup> Αἴαντος δὲ πρῶτος ἀκόντισε φαίδιμος Ἔκτωρ  
 ἔγχει, ἐπεὶ τέτραπτο πρὸς ἰθύ οἴ, οὐδ' ἀφάμαρτε,  
 τῆ ῥα δύω τελαμῶνε περὶ στήθεσσι τετάσθην,  
 ἦτοι ὃ μὲν σάκεος, ὃ δὲ φασγάνου ἀργυροήλου·  
 τῷ οἱ ῥυσάσθην τέρενα χροῶ. χῶσατο δ' Ἔκτωρ,  
 ὅττι ῥά οἱ βέλος ὠκὺ ἐτώσιον ἔκφυγε χειρός,  
 ἄψ δ' ἐτάρων εἰς ἔθνος ἐχάζετο κῆρ' ἀλεείνων.

Камень оглушает предводителя троянцев, и только благодаря вмешательству соратников ему удается спастись. Героя на его же колеснице вывозят из ахейского лагеря и доставляют на берег Ксанфа (II. XIV. 414–439).

После того как Гектор оказывается вне сражения, при участии Посейдона ахейцы одерживают победу и обращают в бегство троянцев в битве у лагеря (II. XIV. 506–507)<sup>54</sup>, при отступлении многие троянские герои погибают (II. XIV. 511–522), а ахейцам удается выбить противников за пределы лагеря и стены (II. XV. 1–4)<sup>55</sup>.

В пятнадцатой песне Зевс требует Посейдона прекратить участие в сражении, угрожая брату карой. Верховный бог снова склоняет сражение в пользу троянского войска. Он разрешает вступить на поле боя Аполлону, который обращает ахейцев в бегство (II. XV. 320–327)<sup>56</sup>. В ходе бегства погибает ряд ахейских героев. В частности, Парис убивает ударом в спину убежавшего Деиоха (II. XV. 341–342)<sup>57</sup>.

В шестнадцатой песне в бой вступает Патрокл, которого троянцы первоначально принимают за Ахилла. Это приводит к перемене на поле боя. Троянцы начинают думать о бегстве (II. XVI. 280–283)<sup>58</sup>. Патрокл истребляет

---

<sup>54</sup> Ὡς φάτο, τοὺς δ' ἄρα πάντας ὑπὸ τρόμος ἔλλαβε γυῖα,  
πάπτηγεν δὲ ἕκαστος ὅπη φύγοι αἰπὺν ὄλεθρον.

<sup>55</sup> Αὐτὰρ ἐπεὶ διὰ τε σκόλοπας καὶ τάφρον ἔβησαν  
**φεύγοντες**, πολλοὶ δὲ δάμεν Δαναῶν ὑπὸ χερσίν,  
οἱ μὲν δὴ παρ' ὄχεσφιν ἐρητύοντο μένοντες  
χλωροὶ ὑπαὶ δειούς πεφοβημένοι·

<sup>56</sup> αὐτὰρ ἐπεὶ κατ' ἐνῶπα ἰδὼν Δαναῶν ταχυπῶλων  
σεῖσ', ἐπὶ δ' αὐτὸς αὔσε μάλα μέγα, τοῖσι δὲ θυμὸν  
ἐν στήθεσσιν ἔθελξε, λάθοντο δὲ θούριδος ἀλκῆς.  
οἱ δ' ὡς τ' ἠὲ βοῶν ἀγέλην ἦ πῶϋ μέγ' οἰῶν  
θῆρε δύω κλονέωσι μελαίνης νυκτὸς ἀμοργῶ  
ἐλθόντ' ἐξαπίνης σημάτορος οὐ παρεόντος,  
ὡς ἐφόβηθεν Ἄχαιοὶ ἀνάλκιδες· ἐν γὰρ Ἀπόλλων  
ἦκε φόβον, Τρωσὶν δὲ καὶ Ἔκτορι κῦδος ὄπαζεν.

<sup>57</sup> Δηϊόχον δὲ Πάρις βάλε νεῖατον ὦμον ὄπισθε  
**φεύγοντ'** ἐν προμάχοισι, διὰ πρὸ δὲ χαλκὸν ἔλασσεν.

<sup>58</sup> πᾶσιν ὀρίνθη θυμός, ἐκίνηθεν δὲ φάλαγγες  
ἐλπόμενοι παρὰ ναῦφι ποδώκεα Πηλεΐωνα



вражеские войска, которые практически перестают сопротивляться, думая только о том, как бы убежать из ахейского лагеря (II. XVI. 356–357)<sup>59</sup>. Гектор поначалу остается, сдерживая ахейские силы, но затем и сам обращается в бегство. Троянский герой оставляет свои войска, преодолевая ров перед ахейским лагерем на колеснице (II. XVI. 366–369)<sup>60</sup>. Вскоре сражение переносится в поле перед лагерем. Прервать отступление троянских войск пытается Сарпедон, вступающий в бой с Патроклом. Однако в поединке ахейский герой одерживает победу над ликийским. Смерть Сарпедона и борьба за тело ликийского вождя на время останавливают бегство троянцев, стремящихся спасти тело соратника. Однако Зевс принимает решение дать Патроклу совершить еще большее количество подвигов и насылает на троянцев – в первую очередь на Гектора – слабость и страх. В результате Гектор первым обращается в бегство, призывая остальных троянцев следовать его примеру (II. XVI. 657–662)<sup>61</sup>.

Отступление троянцев прерывается благодаря вмешательству Аполлона. Сначала он препятствует Патроклу захватить Трою, а затем помогает Гектору убить ахейского героя. Аполлон бьет Патрокла в спину и лишает героя оружия (II. XVI. 789–806). Затем ему наносит удар копьем троянец Эвфорб, который не решается добить героя и снять с него доспехи

---

μηριθμόν μὲν ἀπορριψαί, φιλότητα δ' ἐλέσθαι·  
πάπτηνεν δὲ ἕκαστος ὅπῃ φύγοι αἰπὺν ὄλεθρον.

<sup>59</sup> ὡς Δαναοὶ Τρώεσσι ἐπέχραον· οἱ δὲ φόβοιο  
δυσκελάδου μνήσαντο, λάθοντο δὲ θούριδος ἀλκῆς.

<sup>60</sup> ὡς τῶν ἐκ νηῶν γένετο ἰαχὴ τε φόβος τε,  
οὐδὲ κατὰ μοῖραν πέραον πάλιν. Ἔκτορα δ' ἵπποι  
ἔκφερον ὠκύποδες σὺν τεύχεσι, **λεῖπε δὲ λαὸν  
Τρωϊκόν**, οὓς ἀέκοντας ὀρυκτὴ τάφος ἔρυκε.

<sup>61</sup> Ἔκτορι δὲ πρωτίστῳ ἀνάλκιδα θυμὸν ἐνήκεν·  
ἔς δίφρον δ' ἀναβάς **φύγαδ'** ἔτραπε, κέκλετο δ' ἄλλους  
Τρώας **φευγέμεναι**· γνῶ γὰρ Διὸς ἰρὰ τάλαντα.  
ἔνθ' οὐδ' ἴφθιμοι Λύκιοι μένον, ἀλλὰ **φόβηθεν**  
πάντες, ἐπεὶ βασιλῆα ἴδον βεβλαμμένον ἦτορ  
κείμενον ἐν νεκύων ἀγύρει· πολέες γὰρ ἐπ' αὐτῷ  
κάππεσον, εὖτ' ἔριδα κρατερὴν ἐτάνυσσε Κρονίων.

(Π. XVI. 806–815). Наконец Гектор, видя безоружного раненного Патрокла, отступающего к своим соратникам, добивает ахейского героя (Π. XVI. 816–822)<sup>62</sup>.

Гибель Патрокла снова приводит к битве между ахейцами и троянцами за тело павшего героя и его доспехи. Охранять тело Патрокла остается Менелай, которого призывает отступить от тела троянец Эвфорб, первым после Аполлона ударивший друга Ахилла (Π. XVII. 12–17)<sup>63</sup>. Менелай убивает Эвфорба, однако все же отступает перед надвигающимся Гектором (Π. XVII. 106–113)<sup>64</sup>. Впрочем, царь Спарты вскоре встречает Аякса Теламонида и вдвоем им удается оттеснить троянцев. Гектор, успевший снять доспехи с Патрокла, отступает к троянским войскам (Π. XVII. 129–131)<sup>65</sup>.

Битва за тело Патрокла сложилась неудачно для ахейцев, и Аякс предложил вынести тело под прикрытием ахейского войска. Гомер

---

<sup>62</sup> Πάτροκλος δὲ θεοῦ πληγῇ καὶ δουρὶ δαμασθεῖς  
ἄψ ἐτάρων εἰς ἔθνος ἐχάζετο κῆρ' ἀλεείνων.  
Ἐκτωρ δ' ὡς εἶδεν Πάτροκλῆα μεγάθυμον  
ἄψ ἀναχαζόμενον βεβλημένον ὀξείῃ χαλκῶ,  
ἀγχιμόλον ῥά οἱ ἦλθε κατὰ στίχας, οὔτα δὲ δουρὶ  
νείατον ἐς κενεῶνα, διὰ πρὸ δὲ χαλκὸν ἔλασσε·  
δούπησεν δὲ πεσών, μέγα δ' ἤκαχε λαὸν Ἀχαιῶν.

<sup>63</sup> Ἀτρεΐδῃ Μενέλαε διοτρεφεὲς ὄρχαμε λαῶν  
χάζεο, λείπε δὲ νεκρὸν, ἕα δ' ἔναρα βροτόεντα·  
οὐ γάρ τις πρότερος Τρώων κλειτῶν τ' ἐπικούρων  
Πάτροκλον βάλε δουρὶ κατὰ κρατερὴν ὑσμίνην·  
τῷ με ἕα κλέος ἐσθλὸν ἐνὶ Τρώεσσιν ἀρέσθαι,  
μὴ σε βάλλω, ἀπὸ δὲ μελιηδέα θυμὸν ἔλωμαι.

<sup>64</sup> Εἶος ὁ ταῦθ' ὄρμαινε κατὰ φρένα καὶ κατὰ θυμὸν  
τόφρα δ' ἐπὶ Τρώων στίχες ἤλυθον· ἦρχε δ' ἄρ' Ἐκτωρ.  
αὐτὰρ ὁ γ' ἐξοπίσω ἀνεχάζετο, λείπε δὲ νεκρὸν  
ἐντροπαλιζόμενος ὡς τε λῖς ἠϋγένειος,  
ὄν ῥα κύνες τε καὶ ἄνδρες ἀπὸ σταθμοῖο δίονται  
ἔγχεσι καὶ φωνῇ· τοῦ δ' ἐν φρεσὶν ἄλκιμον ἦτορ  
παχνοῦται, ἀέκων δὲ τ' ἔβη ἀπὸ μεσσαύλοιο·

<sup>65</sup> Ἐκτωρ δ' ἄψ ἐς ὄμιλον ἰὼν ἀνεχάζεθ' ἐταίρων,  
ἐς δίφρον δ' ἀνόρουσε·

описывает отступление греков как бегство. Аяксы прикрывают отступающих от троянских войск (II. XVIII. 148–160)<sup>66</sup>. Однако прекращает погоню лишь Ахилл, выступивший без доспехов из лагеря и криком напугавший троянцев.

Двадцатая и двадцать первая песни посвящены бегству троянцев после вступления в битву Ахилла. Первоначально троянцы пытаются сопротивляться противнику. В сражении, которое начинается на следующий день после смерти Патрокла, в битве сходятся Эней и Ахилл. Энея побуждает на битву Аполлон, хотя герой вспоминает, что уже ранее сталкивался с сильнейшим ахейцем и бежал от него, рассчитывая только на скорость ног. Эту встречу вспоминает позже и сам Ахилл (II. XX. 187–191)<sup>67</sup>. Дуэль двух героев заканчивается победой Ахилла, но Энея спасает Посейдон.

В двадцать первой песни начинается бегство троянцев от Ахилла по направлению к городу (II. XXI. 3–6)<sup>68</sup>. Затем в битву активно включаются боги. Бог реки Ксанф просит у Ахилла прекратить убийство троянцев, тела которых заполнили реку и мешали течению. После того, как герой отказывается, Ксанф начинает его преследовать. Ахиллу приходится

---

<sup>66</sup> Τὴν μὲν ἄρ' Οὐλύμπων δὲ πόδες φέρον· αὐτὰρ Ἀχαιοὶ  
θεσπεσίῳ ἀλαλητῷ ὑφ' Ἑκτορος ἀνδροφόνοιο  
**φεύγοντες** νῆάς τε καὶ Ἑλλήσποντον ἴκοντο.  
οὐδέ κε Πάτροκλόν περ ἑυκνήμιδες Ἀχαιοὶ  
ἐκ βελέων ἐρύσαντο νέκυν θεράποντ' Ἀχιλῆος·  
αὐτίς γὰρ δὴ τόν γε κίχον λαός τε καὶ ἵπποι  
Ἑκτωρ τε Πριάμοιο πάϊς φλογὶ εἵκελος ἀλκήν.  
τρὶς μὲν μιν μετόπισθε ποδῶν λάβε φαίδιμος Ἑκτωρ  
ἐλκόμεναι μεμαώς, μέγα δὲ Τρώεσσιν ὁμόκλα·  
τρὶς δὲ δὴ Αἴαντες θοῦριν ἐπιειμένοι ἀλκήν  
νεκροῦ ἀπεστυφέλιξαν· ὃ δ' ἔμπεδον ἀλκὴ πεποιθῶς  
ἄλλοτ' ἐπαῖξασκε κατὰ μόθον, ἄλλοτε δ' αὐτε  
στάσκε μέγα ἰάχων· ὀπίσω δ' οὐ **χάζετο** πάμπαν.

<sup>67</sup> ἤδη μὲν σέ γέ φημι καὶ ἄλλοτε δουρὶ **φοβῆσαι**.  
ἦ οὐ μέμνη ὅτε πέρ σε βοῶν ἄπο μοῦνον ἐόντα  
σεῦα κατ' Ἰδαίων ὀρέων ταχέεσσι πόδεσσι  
καρπαλίμως; τότε δ' οὐ τι μετατροπαλίζεο φεύγων.

<sup>68</sup> ἔνθα διατμήξας τοὺς μὲν πεδίον δὲ δίωκε  
πρὸς πόλιν, ἦ περ Ἀχαιοὶ ἀτυζόμενοι **φοβέοντο**  
ἦματι τῷ προτέρῳ, ὅτε μαίνετο φαίδιμος Ἑκτωρ·

спасаться бегством от бога (Π. XXI. 254–256)<sup>69</sup>. Гефест, вступающий в бой с Ксанфом, спасает героя, и тот возвращается к преследованию троянцев.

Только вмешательство Аполлона помогает троянцам спастись бегством от преследующего их Ахилла. Аполлон подвигает на битву с героем одного из троянцев — Агенора. Агенор вступил в поединок с Ахиллом и был спасен Аполлоном. Аполлон же отправил на поле боя призрак Агенора, благодаря которому троянцы смогли спастись от Ахилла и скрыться в городе. Скрывающихся за стенами города троянцев Гомер сравнивает с оленем (Π. XXII. 1–3).

На поле боя против надвигающегося Ахилла остается только Гектор, который, несмотря на все уговоры, отказывается спрятаться за стенами города. Однако с приближением Ахилла троянскому герою изменяет его решимость, и он пускается в бегство (Π. XXII. 136–138)<sup>70</sup>. Преследование Гектора Ахиллом продолжается довольно долго, герои успевают трижды обогнуть город. Поэт сравнивает бегущих сначала с соколом и голубицей (Π. XXII. 139–142)<sup>71</sup>, а затем с собакой и олененком (Π. XXII. 188–193)<sup>72</sup>. Погоня заканчивается вмешательством Афины, которая обманывает Гектора,

---

<sup>69</sup> τῷ ἔϊκῶς ἦϊξεν, ἐπὶ στήθεσσι δὲ χαλκὸς  
σμερδαλέον κονάβιζεν· ὑπαιθα δὲ τοῖο λιασθεῖς  
**φεῦγ'**, ὁ δ' ὄπισθε ῥέων ἔπετο μέγῳ ὄρυμαγδῶ.

<sup>70</sup> Ἐκτορα δ', ὡς ἐνόησεν, ἔλε τρομός· οὐδ' ἄρ' ἔτ' ἔτλη  
αὔθι μένειν, ὀπίσω δὲ πύλας λίπε, βῆ δὲ **φοβηθεῖς**·  
Πηλεΐδης δ' ἐπόρουσε ποσὶ κραιπνοῖσι πεποιθώς.

<sup>71</sup> ἦῦτε κίρκος ὄρεσφιν ἐλαφρότατος πετεηνῶν  
ῥηϊδίως οἴμησε μετὰ τρήρωνα πέλειαν,  
ἦ δέ θ' ὑπαιθα **φοβεῖται**, ὁ δ' ἐγγύθεν ὄξυ λεληκώς  
ταρφέ' ἐπαῖσσει, ἐλέειν τέ ἐ θυμὸς ἀνώγει·

<sup>72</sup> Ἐκτορα δ' ἀσπερχές κλονέων ἔφεπ' ὠκὺς Ἀχιλλεύς.  
ὡς δ' ὅτε νεβρὸν ὄρεσφι κύων ἐλάφοιο δίηται  
ὄρσας ἐξ εὐνῆς διὰ τ' ἄγκεα καὶ διὰ βήσσας·  
τὸν δ' εἰ πέρ τε λάθησι καταπτήξας ὑπὸ θάμνῳ,  
ἀλλὰ τ' ἀνιχνεύων θέει ἔμπεδον ὄφρα κεν εὖρη·  
ὡς Ἐκτωρ οὐ λῆθε ποδώκεα Πηλεΐωνα.

представ перед ним в виде троянца Деифоба. Гектор прекращает бегство от Ахилла, и они сходятся в поединке.

Встречаем мы и два случая отступления в «Одиссее». Речь идет о ситуации в городе киконов Исмаре, когда Одиссей и его отряд разоряют город. А затем главный герой обращается к спутникам, призывая их скорее бежать с добычей (Od. IX. 43). Так как те не слушаются и продолжают грабеж, собравшиеся с силами киконы наносят Одиссею болезненное поражение. Второй случай в «Одиссее» связан с ситуацией в доме титульного героя. Когда начинается расправа над женихами, поэт пишет, как они отступают в глубину дома, стремясь найти спасение от стрел (Od. XXII. 270). Как мы видим, случаи отступления и бегства с поля боя в Одиссее куда более малочисленны. Разумеется, это связано с сюжетом поэмы, который практически не связан с регулярными сражениями.

Таким образом, на основании приведенных материалов источников мы можем проследить следующие закономерности. Во-первых, отступление считается неподобающим действием для всех героев «Илиады», вне зависимости от стороны, на которой они воюют. Это проявляется и в сравнениях Гомера, который, используя сцены охоты, сопоставляет убегающего со слабым животным, спасающимся от хищника. Однако мы можем заметить, что ахейские герои бегут преимущественно тогда, когда речь идет о массе ахейского войска. Бегство отдельных ахейских героев мы встречаем редко, как, например, в случае с Аяксом, который периодически обращался в бегство, отступая и подвергаясь нападениям троянских войск. Что же касается троянцев, то даже Гектор – виднейший герой – несколько раз обращается в бегство. В первом случае речь идет о бегстве из ахейского лагеря, когда Гектор обгоняет других троянцев и оставляет войско погибать от рук Патрокла. Во второй раз, боясь столкновения с Ахиллом, троянский герой совершает три круга вокруг Трои. Во-вторых, поэт дает перечень определенных причин для бегства или отступления с поля боя. Герой может покинуть бой в случае ранения, столкнувшись с богом или превосходящим

его по силам герою. Интересно, что бегство с поля боя обычно связывается с волей Зевса, в то время как отступление может быть вызвано комплексом причин. Впрочем, вопрос о причинах отступления и бегства с поля боя, равно как и отношении к ним, мы подробнее рассмотрим в следующей главе.

## Глава 2. Отступление и бегство с поля боя в риторике персонажей

### 1. Предложения покинуть поле боя и реакция на них

На протяжении «Илиады» нередки случаи, когда один из персонажей предлагает другому, либо всем, покинуть поле боя. Равно часты случаи, когда подобное действие кого-то из персонажей удостоивается суровой характеристики от его соратников. В начале третьей песни Парис вызывает на бой одного из ахейских героев, однако отступает, увидев, что против него выступил Менелай. За это Парис удостоивается гневной речи Гектора. Гектор упрекает брата в трусости и говорит, что Парису лучше было бы не родиться, чем приносить позор роду. Гектор отмечает, что Парис обладает красотой, однако последняя не помогает ему в битве (II. III. 39–45)<sup>73</sup>. Кроме того, Гектор перечисляет прегрешения Париса, который, несмотря на отсутствие храбрости, украл жену у ахейского героя, спровоцировав войну (II. III. 46–57). Парис признает упрек Гектора справедливым и соглашается вернуться в битву для сражения с Менелаем. Последнее должно решить и судьбу войны – победитель по договоренности сможет забрать Елену и украденные из Спарты сокровища. Единственное возражение Париса вызывает не упрек в трусости, но то, что Гектор неуважительно отозвался о дарах Афродиты – покровительницы троянца (II. III. 59–75).

После поединка с Менелаем, из которого Париса спасает Афродита, троянец удостоивается упрека и от Елены. Елена говорит, что Парис собирался победить Менелая, однако пришел из битвы побежденным, и призывает троянца вызвать царя Спарты на поединок еще раз, хотя и предостерегает, что из повторной битвы Парис живым не вернется (II. III. 428–436). Оправдываясь, Парис говорит, что Менелай победил с помощью

---

<sup>73</sup> Δύσπαρι εἶδος ἄριστε γυναιμανὲς ἠπεροπευτὰ  
αἰθ' ὄφελος ἄγονός τ' ἔμεναι ἄγαμός τ' ἀπολέσθαι·  
καί κε τὸ βουλοίμην, καί κεν πολὺ κέρδιον ἦεν  
ἢ οὕτω λώβην τ' ἔμεναι καὶ ὑπόψιον ἄλλων.  
ἢ που καγχαλώωσι κάρη κομόωντες Ἀχαιοὶ  
φάντες ἀριστῆα πρόμον ἔμεναι, οὐνεκα καλὸν  
εἶδος ἔπ', ἀλλ' οὐκ ἔστι βίη φρεσὶν οὐδέ τις ἀλκή.

Афины и в свое время ему тоже удастся одержать победу над царем Спарты (П. Ш. 438–439).

В пятой песне Афина, увидев успехи Диомеда, предлагает Аресу оставить вместе с ней поле боя, предоставив грекам и троянцам возможность сражаться без участия богов. Свое предложение богиня обосновывает необходимостью подчиняться воле Зевса и не вызывать его гнева. Ей удаётся вывести бога войны из сражения (П. V. 34–35)<sup>74</sup>. Здесь не идёт речь о какой-то морально-этической оценке происходящего. Афина и Арес – равноценные единицы на поле боя, и их взаимное уклонение от сражения не несет ущерб какой-то из сторон. Есть здесь и мотив хитрости Афины, которая пользуется случаем и обманывает Ареса, предвосхищая дальнейшие успехи Диомеда, которым Арес мог помешать.

Следующая сцена пятой песни любопытна с точки зрения разницы отношения греческих и троянских героев к отступлению в битве. Планируя нападение на Диомеда, уничтожающего троянские войска под покровительством Афины, лучник Пандар и Эней обсуждают, кто из них должен править колесницей Энея. Пандар предлагает хозяину коней самому встать за вожжи. Он мотивирует это решение тем, что если троянским героям придется убегать из битвы, кони будут охотнее слушаться привычного возницу (П. V. 232–234)<sup>75</sup>. Таким образом, получается, что троянские герои не просто допускают, но заранее планируют бегство перед Диомедом в случае неудачи нападения. Характерно, что автором предложения становится именно Пандар. Он не относится к первостепенным героям «Илиады». Да и положительным считаться не может. Во-первых, Пандар в бою пользуется исключительно луком и стрелами, которые не в поэме осуждаются как оружие, не подобающее герою. Помимо Пандара, из героев «Илиады» луком

---

<sup>74</sup> νῶϊ δὲ χαζώμεσθα, Διὸς δ' ἀλεώμεθα μῆνιν;

ᾠς εἰποῦσα μάχης ἐξήγαγε θεοῦρον ἼΑρηα·

<sup>75</sup> εἴ περ ἂν αὐτε φεβώμεθα Τυδέος υἰόν·

μὴ τῷ μὲν δείσαντε ματήσετον, οὐδ' ἐθέλητον  
ἐκφερέμεν πολέμοιο τεδὸν φθόγγον ποθέοντε.



активно пользуются Парис, трусость которого неоднократно отмечалась персонажами поэмы, и Тевкр, брат Аякса Теламонида. Причем, в случае обоих мы встречаем ситуации, когда они вынуждены братья за копье или меч. В отношении Пандара таких ситуаций поэт не упоминает. Второй аспект, который играет против Пандара как гомеровского героя, – это его собственное поведение на поле боя. Именно Пандар, подговоренный Афиной, стреляет в Менелая, прерывая достигнутое ахейцами и троянцами перемирие и нарушая данную ранее клятву. Таким образом, если кому и нарушать нормы воинской этики, то именно Пандару. Эней, в свою очередь, никак не реагирует на предложение лучника, но молчаливо реализует предложение соратника, продолжая править конями. Как представляется, к Энею автор поэмы относится с большей симпатией, чем к прочим троянцам. Достаточно сказать, что в последующих песнях из битвы его однажды спасает бог Посейдон, помогающий ахейцам.

Несколькими строками ниже мы видим реакцию ахейского героя на предложение отступить с поля боя. К Диомеду обращается его возница Сфенел, сын Капанея. Увидев Энея и Пандара, мчащихся на Диомеда, Сфенел предлагает герою взойти на колесницу и отступить (II. V. 243–250)<sup>76</sup>. С точки зрения Сфенела смелость Диомеда, готового рискнуть и сразиться с двумя героями, могла привести к его гибели. Однако предложение вызывает гневную отповедь Диомеда, который отмечает, что нет в его роду привычки избегать сражения или трусливо прятаться (II. V. 253–254)<sup>77</sup>. Диомед заявляет, что даже не станет всходить на колесницу и сразится с

---

<sup>76</sup> Τυδεΐδη Διόμηδες ἐμῶ κεχαρισμένε θυμῶ,  
ἄνδρ' ὀρώ κρατερῶ ἐπὶ σοὶ μεμαῶτε μάχεσθαι  
Ἴν' ἀπέλεθρον ἔχοντας· ὁ μὲν τόξων ἐς εἰδῶς  
Πάνδαρος, υἱὸς δ' αὐτε Λυκάονος εὐχεται εἶναι·  
Αἰνεΐας δ' υἱὸς μὲν ἀμύμονος Ἀγχίσιος  
εὐχεται ἐκγεγάμεν, μήτηρ δέ οἱ ἐστ' Ἀφροδίτη.  
ἀλλ' ἄγε δὴ χαζώμεθ' ἐφ' ἵππων, μηδέ μοι οὕτω  
θῦνε διὰ προμάχων, μή πως φίλον ἦτορ ὀλέσσης.

<sup>77</sup> οὐ γάρ μοι γενναῖον ἀλυσκάζοντι μάχεσθαι  
οὐδὲ καταπτώσσειν· ἔτι μοι μένος ἔμπεδόν ἐστιν·

противниками пешим. Затем герой ссылается на покровительство Афины (Π. V. 256) и призывает Сфенела обязательно завладеть конями Энея. Здесь мы видим разницу между троянцами и ахейцами. Если первые перед вступлением в битву планируют возможное отступление с поля боя, то ахеец, не сомневаясь в победе, указывает на важность овладения имуществом противников.

Вскоре после этого, одержав победу над Энеем и Пандаром и ранив Афродиту, Диомед пытается добить Энея, несмотря на защиту, которую тому оказывал Аполлон. Аполлон призывает Диомеда одуматься и отступить (Π. V. 440–442)<sup>78</sup>. Феб указывает греческому герою на то, что тот не может сравниться с бессмертным богом. На этот раз Диомед отступает, хотя и недалеко (Π. V. 443–444)<sup>79</sup>.

Важная информация встречается нам в напутственных словах Агамемнона, воодушевляющего ахейцев к сражению в пятой песне. Вождь греческого войска призывает воинов сражаться мужественно, отмечая, что храбрые воины выживают в бою чаще, нежели гибнут, а беглецы не получают ни славы, ни помощи (Π. V. 529–532)<sup>80</sup>. Практически теми же словами в пятнадцатой песне возбуждает войска Аякс (Π. XV. 561–564)<sup>81</sup>.

И все же в пятой песне ахейцы вынуждены отступить. К отступлению их призывает Диомед, когда видит сражающегося рядом с Гектором Ареса.

---

<sup>78</sup> φράζω Τυδεΐδη καὶ χάζω, μηδὲ θεοῖσιν  
ἴσ' ἔθελε φρονέειν, ἐπεὶ οὐ ποτε φῦλον ὁμοῖον  
ἀθανάτων τε θεῶν χαμαὶ ἐρχομένων τ' ἀνθρώπων.

<sup>79</sup> ὦς φάτο, Τυδεΐδης δ' ἀνεχάζετο τυτθὸν ὀπίσσω  
μῆνιν ἀλευάμενος ἑκατηβόλου Ἀπόλλωνος

<sup>80</sup> ὦ φίλοι ἀνέρες ἔστε καὶ ἄλκιμον ἦτορ ἔλεσθε,  
ἀλλήλους τ' αἰδεῖσθε κατὰ κρατερὰς ὑσμίνας·  
αἰδομένων ἀνδρῶν πλέονες σοοὶ ἢ ἐπέφανται·  
φευγόντων δ' οὔτ' ἄρ' κλέος ὄρνυται οὔτε τις ἀλκή.

<sup>81</sup> ὦ φίλοι ἀνέρες ἔστε, καὶ αἰδῶ θέσθ' ἐνὶ θυμῷ,  
ἀλλήλους τ' αἰδεῖσθε κατὰ κρατερὰς ὑσμίνας.  
αἰδομένων δ' ἀνδρῶν πλέονες σοοὶ ἢ ἐπέφανται·  
φευγόντων δ' οὔτ' ἄρ' κλέος ὄρνυται οὔτε τις ἀλκή.

Герой обращается к окружающим ахейцам, призывая их отступить в порядке лицом к неприятелю, но не биться с богами (II. V. 600–606)<sup>82</sup>.

Этот сюжет занимает важное место в диалоге Афины и Диомеда в конце песни. Диомед, отступивший от троянцев под угрозой Ареса, отдыхает и страдает от раны, которую ему ранее нанес стрелой Пандар. Афина, спустившаяся вместе с Герой с Олимпа, укоряет героя, сравнивая его с отцом Тидеем. Богиня говорит, что Тидей был невысок, однако храбростью превосходил всех. И когда Афина запрещала ему сражаться с противниками, он все равно вступал в бой. Богиня спрашивает у Диомеда, что послужило причиной для уклонения от битвы (II. V. 800–813)<sup>83</sup>. Диомед отвечает, что не боится боя, однако напоминает, что Афина сама запретила ему выступать против богов, кроме Афродиты. На стороне же троянцев сражается Арес (II. V. 815–824)<sup>84</sup>.

---

<sup>82</sup> ὡς τότε Τυδεΐδης ἀνεχάζετο, εἶπέ τε λαῶ·  
ὦ φίλοι οἶον δὴ θαυμάζομεν Ἑκτορα δῖον  
αἰχμητὴν τ' ἔμεναι καὶ θαρσαλέον πολεμιστὴν·  
τῶ δ' αἰεὶ πάρα εἷς γε θεῶν, ὃς λοιγὸν ἀμύνει·  
καὶ νῦν οἱ πάρα κεῖνος Ἴαρος βροτῶ ἀνδρὶ εἰοικώς.  
ἀλλὰ πρὸς Τρώας τετραμμένοι αἰὲν ὀπίσσω  
εἴκετε, μηδὲ θεοῖς μενεαινέμεν ἴφι μάχεσθαι.

<sup>83</sup> ἢ ὀλίγον οἱ παῖδα εἰκότα γείνατο Τυδεύς.  
Τυδεύς τοι μικρὸς μὲν ἔην δέμας, ἀλλὰ μαχητὴς·  
καὶ ῥ' ὅτε πέρ μιν ἐγὼ πολεμίζειν οὐκ εἶασκον  
οὐδ' ἐκπαιφάσσειν, ὅτε τ' ἤλυθε νόσφιν Ἰαχαιῶν  
ἄγγελος ἐς Θήβας πολέας μετὰ Καδμείωνας·  
δαίνυσθαί μιν ἄνωγον ἐνὶ μεγάροισιν ἔκηλον·  
αὐτὰρ ὁ θυμὸν ἔχων ὄν καρτερόν ὡς τὸ πάρος περ  
κούρους Καδμείων προκαλίζετο, πάντα δ' ἐνίκα  
ῥηϊδίως· τοίη οἱ ἐγὼν ἐπιτάροθος ἦα.

σοὶ δ' ἦτοι μὲν ἐγὼ παρά θ' ἴσταμαι ἠδὲ φυλάσσω,  
καὶ σε προφρονέως κέλομαι Τρώεσσι μάχεσθαι·  
ἀλλὰ σευ ἢ κάματος πολυᾶϊξ γυῖα δέδυκεν  
ἢ νύ σέ που δέος ἴσχει ἀκήριον· οὐ σύ γ' ἔπειτα  
Τυδέος ἔκγονός ἐσσι δαΐφρονος Οἰνεΐδαο.

<sup>84</sup> γιγνώσκω σε θεὰ θύγατερ Διὸς αἰγιόχοιο·  
τῷ τοι προφρονέως ἐρέω ἔπος οὐδ' ἐπικεύσω.  
οὔτέ τί με δέος ἴσχει ἀκήριον οὔτε τις ὄκνος,

В шестой песне важной является сцена, в которой Гектор отправляется в Трою, чтобы организовать принесение жертв Афине и вернуть на поле боя Париса. Сначала Гектор сталкивается с матерью Гекубой. Попросив ее организовать жертвоприношения Афине, он осуждает поведение брата. Гектор осуждает Париса, который остаётся дома, пока на поле идёт сражение. Троянский герой отмечает, что смерть брата была бы для него приятнее, нежели причинённые им беды (II. VI. 280–285)<sup>85</sup>. Конечно, в центре критики Гектора находится то, что Парис стал причиной конфликта, однако и уклонение виновника войны от битв является раздражающим фактором для окружающих.

Придя к Парису, Гектор находит брата осматривающим снаряжение и обращается к тому с речью (II. VI. 326–331)<sup>86</sup>. В речи Гектора важно отметить несколько ключевых моментов: во-первых, он осуждает Париса за праздность в тот момент, когда троянцы гибнут, сражаясь за него; во-вторых, говорит, что сам Парис осудил бы любого троянца, уклоняющегося от сражений. Парис признаёт свою вину, объясняет своё отсутствие на поле боя

---

ἀλλ' ἔτι σέων μέμνημαι ἐφετμέων ἄς ἐπέτειλας·  
οὐ μ' εἶας μακάρεσσι θεοῖς ἀντικρὺ μάχεσθαι  
τοῖς ἄλλοις· ἀτὰρ εἴ κε Διὸς θυγάτηρ Ἄφροδίτη  
ἔλθῃσ' ἐς πόλεμον, τήν γ' οὐτάμεν ὀξείϊ χαλκῶ.  
τοῦνεκα νῦν αὐτός τ' ἀναχάζομαι ἠδὲ καὶ ἄλλους  
Ἄργείους ἐκέλευσα ἀλήμεναι ἐνδάδε πάντας·  
γιγνώσκω γὰρ Ἄρηα μάχην ἀνὰ κοιρανέοντα.

<sup>85</sup> ἔρχεο, ἐγὼ δὲ Πάριον μετελεύσομαι ὄφρα καλέσσω  
αἰ κ' ἐθέλῃσ' εἰπόντος ἀκουέμεν· ὥς κέ οἱ αὖθι  
γαῖα χάνοι· μέγα γάρ μιν Ὀλύμπιος ἔτρεφε πῆμα  
Τρωσί τε καὶ Πριάμῳ μεγαλήτορι τοῖό τε παισίν.  
εἰ κεῖνόν γε ἴδοιμι κατελθόντ' Ἄϊδος εἴσω  
φαίην κε φρέν' ἀτέρπου οἰζύος ἐκλελαθέσθαι.

<sup>86</sup> δαιμόνι' οὐ μὲν καλὰ χόλον τόνδ' ἔνθεο θυμῶ,  
λαοὶ μὲν φθινύθουσι περὶ πτόλιν αἰπύ τε τεῖχος  
μαρνάμενοι· σέο δ' εἶνεκ' αὐτὴ τε πτόλεμός τε  
ἄστρ' ἄμφιδέδη· σὺ δ' ἂν μαχέσαιο καὶ ἄλλῳ,  
ὄν τινά που μεθιέντα ἴδοις στρυγεροῦ πολέμοιο.  
ἀλλ' ἄνα μὴ τάχα ἄστρ' πυρὸς δηϊοιο θέρηται.

желанием предаться печали после поражения в поединке с Менелаем. Собираться же на битву его уже уговорила Елена (Π. VI. 333–341)<sup>87</sup>. Гектор ничего не отвечает Парису, и слово берёт Елена, которая сетует на отсутствие храбрости у Париса и предлагает брату мужа передохнуть в их доме (Π. VI. 344–358). Гектор отказывается от приглашения, стремясь поскорее снова вступить в бой против ахейцев. Герой говорит, что должен спешить для защиты сограждан от врагов (Π. VI. 360–366)<sup>88</sup>.

Перед возвращением в битву троянский герой встречается со своей женой – Андромахой. В обращённой к мужу речи Андромаха призывает героя не возвращаться в бой и остаться в городе, отведя войска (Π. VI. 431–439). Гектор отвечает жене, что не может уклониться от боя, поскольку это будет для него позором (Π. VI. 441–446)<sup>89</sup>.

Важная сцена открывает восьмую песнь «Илиады». Зевс перед грядущим сражением взвешивает судьбу троянцев и ахейцев и, когда жребий

---

<sup>87</sup> Ἔκτορ ἐπεὶ με κατ' αἴσαν ἐνεΐκεσας οὐδ' ὑπὲρ αἴσαν,  
τοῦνεκά τοι ἐρέω· σὺ δὲ σύνθεο καί μευ ἄκουσον·  
οὗ τοι ἐγὼ Τρώων τόσσον χόλω οὐδὲ νεμέσσι  
ἤμην ἐν θαλάμῳ, ἔθελον δ' ἄχεϊ προτραπέσθαι.  
νῦν δέ με παρειποῦσ' ἄλοχος μαλακοῖς ἐπέεσσιν  
ὄρμησ' ἐς πόλεμον· δοκέει δέ μοι ὦδε καὶ αὐτῶ  
λώϊον ἔσσεσθαι· νίκη δ' ἐπαμείβεται ἄνδρα.  
ἀλλ' ἄγε νῦν ἐπίμεινον, Ἀρήϊα τεύχεα δύω·  
ἢ ἴθ', ἐγὼ δὲ μέτειμι· κινήσεσθαι δέ σ' οἴω.

<sup>88</sup> μή με κάθιζ' Ἑλένη φιλέουσά περ· οὐδέ με πείσεις·  
ἤδη γάρ μοι θυμὸς ἐπέσσυται ὄφρ' ἐπαμύνω  
Τρώεσσ', οἱ μέγ' ἐμεῖο ποθὴν ἀπεόντος ἔχουσιν.  
ἀλλὰ σύ γ' ὄρνυθι τοῦτον, ἐπειγέσθω δὲ καὶ αὐτός,  
ὥς κεν ἔμ' ἔντοσθεν πόλιος καταμάρψῃ ἐόντα.  
καὶ γὰρ ἐγὼν οἶκον δὲ ἐλεύσομαι ὄφρα ἴδωμαι  
οἰκῆας ἄλοχόν τε φίλην καὶ νήπιον υἱόν.

<sup>89</sup> ἢ καὶ ἐμοὶ τάδε πάντα μέλει γύναι· ἀλλὰ μάλ' αἰνῶς  
αἰδέομαι Τρώας καὶ Τρωάδας ἔλκεσιπέπλους,  
αἶ κε κακὸς ὥς νόσφιν ἀλυσκάζω πολέμοιο·  
οὐδέ με θυμὸς ἄνωγεν, ἐπεὶ μάθον ἔμμεναι ἐσθλὸς  
αἰεὶ καὶ πρότοισι μετὰ Τρώεσσι μάχεσθαι  
ἀρνύμενος πατρός τε μέγα κλέος ἦδ' ἐμὸν αὐτοῦ.

показывает ему победу троянцев, мечет молнии в ахейское войско. Греческие герои бегут, испугавшись столь явного проявления воли бога (II. VIII. 75–79)<sup>90</sup>. На поле боя остаётся только Нестор, конь которого ранен стрелой Париса. На помощь старцу приходит Диомед. Герой пытается призвать на помощь Одиссея. Он убеждает его развернуться и спасти Нестора от Гектора. Интересно, что, призывая царя Итаки на помощь, Диомед угрожает, что его – Одиссея – могут убить в спину наступающие троянцы (II. VIII. 93–96)<sup>91</sup>. Однако Одиссей не слышит призыва Диомеда и пробегает мимо.

Диомеду удается спасти Нестора и герой, передав старцу управление колесницей, решает сразиться с Гектором. Диомед поражает копьем возницу троянского полководца, однако тут в битву героев снова вмешивается Зевс. Громовержец ударяет молнией перед конями колесницы царя Аргоса (II. VIII. 130–138). Нестор обращается к Диомеду и призывает спастись бегством. Старец говорит, что, если верховный бог благоволит троянцам, то человек, как бы силен он ни был, не должен противиться воле бога (II. VIII. 139–144)<sup>92</sup>. Диомед, хотя и признаёт правоту Нестора, говорит, что для него бегство с поля боя является страшнейшим позором. Особенно аргосский герой опасается, как бы Гектор не стал впоследствии похваляться тем, что

---

<sup>90</sup> αὐτὸς δ' ἐξ Ἰδης μεγάλ' ἔκτυπε, δαιόμενον δὲ  
ἦκε σέλας μετὰ λαὸν Ἀχαιῶν· οἱ δὲ ἰδόντες  
θάμβησαν, καὶ πάντας ὑπὸ χλωρὸν δέος εἶλεν.  
Ἐνθ' οὐτ' Ἴδομενεὺς τλῆ μίμνειν οὐτ' Ἀγαμέμνων,  
οὔτε δὴ Αἴαντες μενέτην θεράποντες Ἴαρος·

<sup>91</sup> διογενὲς Λαερτιάδη πολυμήχαν' Ὀδυσσεῦ  
πῆ φεύγεις μετὰ νῶτα βαλὼν κακὸς ὡς ἐν ὀμίλῳ;  
μή τις τοι φεύγοντι μεταφρένω ἐν δόρῳ πήξῃ·  
ἀλλὰ μὲν ὄφρα γέροντος ἀπώσομεν ἄγριον ἄνδρα.

<sup>92</sup> Τυδεΐδῃ ἄγε δ' αὐτε φόβον δ' ἔχε μώνυχας ἵππους.  
ἦ οὐ γινώσκεις ὅ τοι ἐκ Διὸς οὐχ ἔπετ' ἀλκή;  
νῦν μὲν γὰρ τούτῳ Κρονίδης Ζεὺς κῦδος ὀπάξει  
σήμερον· ὕστερον αὐτε καὶ ἡμῖν, αἴ κ' ἐθέλησι,  
δώσει· ἀνὴρ δέ κεν οὐ τι Διὸς νόον εἰρύσσαιτο  
οὐδὲ μάλ' ἴφθιμος, ἐπεὶ ἦ πολὺ φέρτερός ἐστι.

Диомед бежал от него в страхе с поля боя (II. VIII. 146–150)<sup>93</sup>. Нестор успокаивает героя тем, что после всех его подвигов, никто не поверит обвинениям в трусости. Однако Гектор кричит вслед отступающему ахейскому герою, что, если раньше ахейцы особенно почитали Диомеда на пиршествах, то теперь он лишится этой чести. Гектор сравнивает бегущего врага с женщиной (II. VIII. 161–166)<sup>94</sup>. Оскорбления Гектора едва не вынуждают Диомеда вернуться в бой. Трижды, как пишет Гомер, он задумывал повернуть и встретиться в бою с Гектором и трижды Зевс своими знаменами оставновил героя (II. VIII. 169–171)<sup>95</sup>.

Интересно размышление Диомеда во время их с Одиссеем разведывательного похода в троянский лагерь. Перебив фракийцев и захватив коней царя Реса, герой размышляет, не продолжить ли истреблять спящих. В этот момент ему Афина призывает героя вспомнить о возвращении, дабы Диомеду не пришлось в ужасе убежать от проснувшихся многочисленных троянцев (II. X. 509–511)<sup>96</sup>. Любопытно, что в предостережении богини угрозой является не смерть, а бегство. Кроме того, в речи Афины противопоставляется победное возвращение в лагерь из успешной вылазки и бегство из этой же вылазки с преследующими героев

---

<sup>93</sup> ναὶ δὴ ταῦτά γε πάντα γέρον κατὰ μοῖραν ἔειπες·  
ἀλλὰ τόδ' αἰνὸν ἄχος κραδίην καὶ θυμὸν ἰκάνει·  
Ἐκτωρ γάρ ποτε φήσει ἐνὶ Τρώεσσ' ἀγορεύων·  
Τυδεΐδης ὑπ' ἐμεῖο **φοβεύμενος** ἴκετο νῆας.

<sup>94</sup> Τυδεΐδη περὶ μὲν σε τίον Δαναοὶ ταχύπωλοι  
ἔδρη τε κρέασίν τε ἰδὲ πλείοις δεπάεσσι·  
νῦν δέ σ' ἀτιμήσουσι· γυναικὸς ἄρ' ἀντὶ τέτυξο.  
ἔρρε κακὴ γλήνη, ἐπεὶ οὐκ εἴξαντος ἐμεῖο  
πύργων ἡμετέρων ἐπιβήσεται, οὐδὲ γυναικας  
ἄξιεις ἐν νῆεσσι· πάρος τοι δαίμονα δώσω.

<sup>95</sup> τρις μὲν μερμήριξε κατὰ φρένα καὶ κατὰ θυμόν,  
τρις δ' ἄρ' ἀπ' Ἰδαίων ὀρέων κτύπε μητίετα Ζεὺς  
σῆμα τιθεὶς Τρώεσσι μάχης ἑτεραλκέα νίκην.

<sup>96</sup> νόστου δὴ μνήσαι μεγαθύμου Τυδέος υἱέ  
νῆας ἔπι γλαφυράς, μὴ καὶ **πεφοβημένος** ἔλθης,  
μῆ πού τις καὶ Τρῶας ἐγείρησιν θεὸς ἄλλος.

тroyнцами позади. Хотя, конечно, от характера возвращения в лагерь успех экспедиции уже не зависит – герои истребили союзников тroyнцев и похитили коней, выведав еще и необходимую информацию.

Интересен нам эпизод в одиннадцатой песне, когда Диомед, раненный стрелой Париса, вынужден оставить поле боя. Греческий герой не может продолжать бой из-за раны, однако страдает от того, что оставил Одиссея одного против тroyнцев. Диомед, обращаясь к себе, рассуждает, что бегство для него позорно, но не лучше будет, если он один, раненный, столкнется с превосходящими силами противника. Царь Аргоса приходит к выводу, что благородный герой должен стоять на поле боя, вне зависимости от того, побеждает он или проигрывает. Бегство же прилично только дурным людям (II. XI. 404–410)<sup>97</sup>. Впрочем, это размышление не приводит к возвращению героя на поле боя. Несколько ранее по той же причине из боя уходит Агамемнон. Также из-за раны, нанесенной стрелой Париса, вынужден оставить битву Махаон (II. XI. 505–509). Его выносит из боя на колеснице Нестор по предложению Идомея. Критский царь указывает на важность врача на войне и недопустимость его потери (II. XI. 510–515)<sup>98</sup>.

В тринадцатой песне в ахейском лагере случается диалог Идомея и Мериона. Идомей спрашивает Мериона, что тот делает в лагере, когда идет сражение. В вопросе звучат возможные причины отсутствия героя на поле

---

<sup>97</sup> ὦ μοι ἐγὼ τί πάθω; μέγα μὲν κακὸν αἶ κε φέβωμαι  
πληθὺν ταρβήσας· τὸ δὲ ῥίγιον αἶ κεν ἀλώω  
μοῦνος· τοὺς δ' ἄλλους Δαναοὺς ἐφόβησε Κρονίων.  
ἀλλὰ τί ἦ μοι ταῦτα φίλος διελέξατο θυμός;  
οἶδα γὰρ ὅττι κακοὶ μὲν ἀποίχονται πολέμοιο,  
ὅς δέ κ' ἀριστεύησι μάχῃ ἐνὶ τὸν δὲ μάλα χρεῶ  
ἑστάμεναι κρατερῶς, ἦ τ' ἔβλητ' ἦ τ' ἔβαλ' ἄλλον.

<sup>98</sup> ὦ Νέστορ Νηληϊάδη μέγα κῦδος Ἀχαιῶν  
ἄγρει σῶν ὀχέων ἐπιβήσεο, παρ δὲ Μαχάων  
βαινέτω, ἐς νῆας δὲ τάχιστ' ἔχε μώνυχας ἵππους·  
ἰητρὸς γὰρ ἀνὴρ πολλῶν ἀντάξιός ἄλλων  
ιοὺς τ' ἐκτάμνειν ἐπὶ τ' ἦπια φάρμακα πάσσειν.



боя – рана или то, что он отправлен в качестве вестника (XIII. 249–253)<sup>99</sup>. Правда, реальность оказывается иной – Мерион приходит вооружиться, так как в ходе сражения остался без своего копья.

В шестнадцатой песне мы встречаем рассуждение об общем бегстве войск с поля боя. Ахилл в беседе с Патроклом отмечает, что успехи троянцев обусловлены отсутствием на поле боя самого Ахилла, Диомеда и Агамемнона. Соответственно, ведомые Гектором войска Трои наносят поражения ахейцам и осаждают лагерь (II. XVI. 71–79)<sup>100</sup>. Ахилл выражает идею, которая и до этого ярко проявлялась в тексте поэмы имплицитно. Наличие на поле боя храбрых героев, способных воодушевить войска и истребить значительную часть войск противника, является необходимым условием победы.

Вступление в бой Патрокла в шестнадцатой песне обращает троянские войска в бегство. Общее отступление войск осуждает вождь ликийцев Сарпедон, который стыдит своих воинов за бегство и призывает остановиться, поскольку планирует сразиться с Патроклом (II. XVI. 422–425)<sup>101</sup>.

---

<sup>99</sup> Μηριόνη Μόλου υἱὲ πόδας ταχὺ φίλταθ' ἑταίρων  
τίπτ' ἦλθες πόλεμόν τε λιπῶν καὶ δηϊότητα;  
ἠέ τι βέβληαι, βέλεος δέ σε τείρει ἀκωκή,  
ἦέ τευ ἀγγελίης μετ' ἔμ' ἦλυθες; οὐδέ τοι αὐτὸς  
ἦσθαι ἐνὶ κλισίῃσι λιλαίομαι, ἀλλὰ μάχεσθαι.

<sup>100</sup> τάχα κεν φεύγοντες ἐναύλους  
πλήσειαν νεκύων, εἴ μοι κρείων Ἀγαμέμνων  
ἦπια εἰδείη· νῦν δὲ στρατὸν ἀμφιμάχονται.  
οὐ γὰρ Τυδεΐδew Διομήδεος ἐν παλάμῃσι  
μαίνεται ἐγχείη Δαναῶν ἀπὸ λοιγὸν ἀμῦναι·  
οὐδέ πω Ἀτρεΐδew ὁπὸς ἔκλυον αὐδήσαντος  
ἐχθρῆς ἐκ κεφαλῆς· ἀλλ' Ἔκτορος ἀνδροφόνοιο  
Τρωσὶ κελεύοντος περιάγνυται, οἳ δ' ἀλαλητῶ  
πᾶν πεδῖον κατέχουσι μάχῃ νικῶντες Ἀχαιοὺς.

<sup>101</sup> αἰδῶς ᾧ Λύκιοι· πόσε φεύγετε; νῦν θεοὶ ἔστε.  
ἀντήσω γὰρ ἐγὼ τοῦδ' ἀνέρος, ὄφρα δαείω  
ὅς τις ὄδε κρατέει καὶ δὴ κακὰ πολλὰ ἔοργε  
Τρῶας, ἐπεὶ πολλῶν τε καὶ ἐσθλῶν γούνατ' ἔλυσεν.

В шестнадцатой песне мы также еще раз сталкиваемся с ситуацией, когда герой вынужден отступать по требованию бога. Патрокл обращает в бегство троянцев и начинает бросаться на стены Трои. Трижды героя отражает Аполлон. В четвертый раз Аполлон обращается к Патроклу и призывает его отступить, говоря, что ни ему, ни Ахиллу не суждено взять город (II. XVI. 707–709)<sup>102</sup>. Патрокл следует приказу бога и отступает от стен Трои (II. XVI. 710–711)<sup>103</sup>.

Важные сцены встречаются нам в эпизодах битвы за тело Патрокла. Перед тем как отступить от тела при виде приближающегося Гектора, Менелай рассуждает о возможных действиях. С одной стороны, царь Спарты переживает, что его осудят за отступление от тела погибшего Патрокла, пришедшего воевать под Трою за дело Атридов (II. XVII. 91–93)<sup>104</sup>. С другой стороны, рассуждает Менелай, если он останется на месте, то окажется в окружении троянцев и непременно погибнет (II. XVII. 94–96)<sup>105</sup>, поскольку Гектору в битве помогают боги. И такое отступление, когда противник намного сильнее и пользуется благоволением богов, не будет осуждено соратниками (II. XVII. 98–101)<sup>106</sup>. В результате, Менелай решает все же отступить и позволить троянцам снять доспехи с Патрокла, но во время

<sup>102</sup> **χάζεο** διογενές Πατρόκλεες· οὐ νύ τοι αἴσα  
σῶ ὑπὸ δουρὶ πόλιν πέρθει Τρώων ἀγερώχων,  
οὐδ' ὑπ' Ἀχιλλῆος, ὅς περ σέο πολλὸν ἀμείνων.

<sup>103</sup> Ὡς φάτο, Πάτροκλος δ' ἀνε**χάζετο** πολλὸν ὀπίσσω  
μῆνιν ἀλευάμενος ἑκατηβόλου Ἀπόλλωνος.

<sup>104</sup> ὦ μοι ἐγὼν εἰ μὲν κε λίπω κάτα τεύχεα καλὰ  
Πάτροκλόν θ', ὅς κεῖται ἐμῆς ἔνεκ' ἐνθάδε τιμῆς,  
μή τις μοι Δαναῶν νεμεσήσεται ὅς κεν ἴδηται.

<sup>105</sup> εἰ δέ κεν Ἔκτορι μῶνος ἐὼν καὶ Τρωσὶ μάχωμαι  
αἰδεσθεῖς, μή πῶς με περιστήσω' ἓνα πολλοί·  
Τρῶας δ' ἐνθάδε πάντας ἄγει κορυθαίολος Ἔκτωρ.

<sup>106</sup> ὅππότε' ἀνὴρ ἐθέλη πρὸς δαίμονα φωτὶ μάχεσθαι  
ὄν κε θεὸς τιμᾶ, τάχα οἱ μέγα πῆμα κυλίσθη.  
τῷ μ' οὐ τις Δαναῶν νεμεσήσεται ὅς κεν ἴδηται  
Ἔκτορι **χωρήσαντ'**, ἐπεὶ ἐκ θεόφιν πολεμίζει.

отступления призвать на помощь Аякса Теламонида и отбить тело погибшего героя (Π. XVII. 101–105).

Сам Гектор в шестнадцатой и семнадцатой песнях несколько раз бежит с поля боя и вызывает осуждение богов и троянских союзников. Вначале Гектора осуждает Аполлон, принявший облик троянца Асия. Он критикует троянского полководца за отступление от Патрокла. Бог, выдающий себя за смертного, говорит, что сильнейшие должны сражаться, и Гектору следует выйти на бой против Патрокла (Π. XVI. 721–725)<sup>107</sup>. Любопытно, что ранее мы встречали точно такую же риторику, когда Гектор требовал выйти на поле боя у Париса. Впрочем, здесь осуждение Гектору выступает, скорее, в качестве мотивирующего фактора. Аполлону необходимо, чтобы герой вышел на битву и убил Патрокла.

За свои действия Гектор удостоивается также гневной речи ликийского вождя Главка. Главк говорит, что Гектор является лучшим в битве лишь по виду, на деле же троянский вождь боится врагов (Π. XVII. 142–143)<sup>108</sup>. Главк концентрирует свою критику троянского вождя на двух событиях: во-первых, на смерти Сарпедона, которого не смогли отстоять троянские войска (Π. XVII. 149–153)<sup>109</sup>, а во-вторых, на битве за тело Патрокла, которую троянцы проиграли. Захваченное тело Патрокла могло быть использовано для обмена доспехов Сарпедона и его тела, однако реализовать этот план не получилось

---

<sup>107</sup> Ἔκτορ τίπτε μάχης ἀποπαύεαι· οὐδέ τί σε χρή·  
αἴθ' ὅσον ἤσσων εἰμί, τόσον σέο φέρτερος εἶην·  
τά κε τάχα στυγερώς πολέμου ἀπερωήσειας.

ἀλλ' ἄγε Πατρόκλω ἔφεπε κρατερώνυχας ἵππους,  
αἰ κέν πῶς μιν ἔλης, δῶη δέ τοι εὖχος Ἀπόλλων.

<sup>108</sup> Ἔκτορ εἶδος ἄριστε μάχης ἄρα πολλὸν ἐδεύεο.  
ἦ σ' αὐτῶς κλέος ἐσθλὸν ἔχει φύξηλιν ἔοντα.

<sup>109</sup> πῶς κε σὺ χεῖρονα φῶτα σαώσειας μεθ' ὄμιλον  
σχέτλι', ἐπεὶ Σαρπηδὸν' ἅμα ξεῖνον καὶ ἑταῖρον  
κάλλιπες Ἀργείοισιν ἔλωρ καὶ κύρμα γενέσθαι,  
ὅς τοι πόλλ' ὄφελος γένετο πτόλει τε καὶ αὐτῶ  
ζῶδς ἑών· νῦν δ' οὐ οἱ ἀλαλκέμεναι κύνας ἔτλης.

из-за отсутствия мужества у троянцев и Гектора (Π. XVII. 156–165)<sup>110</sup>. Последний удостоивается особого осуждения за то, что не решился вступить в бой с Аяксом Теламонидом<sup>111</sup>. Главк угрожает Гектору тем, что оскорбленные ликийские союзники уйдут и оставят троян без помощи в будущем. Отвечая, Гектор говорит, что не боялся Аякса, и ссылается на волю Зевса, которая заставляет бежать и храбрейшего из людей (Π. XVII. 174–178)<sup>112</sup>. Гектор предлагает Главку выйти на с ним бой за тело Патрокла, чтобы тот убедился в храбрости троянца (Π. XVII. 179–182). В битве за тело Патрокла Аякс приказывает ахейцам стоять крепко, ни наступая на противника, ни отступая назад (Π. XVII. 356–359)<sup>113</sup>.

Важная сцена происходит в восемнадцатой песне, когда троянские вожди, понимающие возможность перемены в битвах после возвращения в бой Ахилла, собирают ночной военный совет, чтобы обсудить дальнейшие действия. Первым выступает Полидамант, предлагающий троянцам

---

<sup>110</sup> εἰ γὰρ νῦν Τρώεσσι μένος πολυθαρσῆς ἐνείη  
ἄτρομον, οἷόν τ' ἄνδρας ἐσέρχεται οἱ περὶ πάτρης  
ἀνδράσι δυσμενέεσσι πόνον καὶ δῆριν ἔθεντο,  
αἰψὰ κε Πάτροκλον ἐρυσαιμέθα Ἴλιον εἴσω.  
εἰ δ' οὔτος προτὶ ἄστυ μέγα Πριάμοιο ἀνακτος  
ἔλθοι τεθνηὼς καὶ μιν ἐρυσαιμέθα χάρμης,  
αἰψὰ κεν Ἄργεῖοι Σαρπηδόνοσ ἔντεα καλὰ  
λύσειαν, καὶ κ' αὐτὸν ἀγοίμεθα Ἴλιον εἴσω·  
τοίου γὰρ θεράπων πέφατ' ἀνέρος, ὃς μέγ' ἄριστος  
Ἄργείων παρὰ νηυσὶ καὶ ἀγχέμαχοι θεράποντες.  
<sup>111</sup> ἀλλὰ σύ γ' Αἴαντος μεγαλήτορος οὐκ ἐτάλασσας  
στήμεναι ἄντα κατ' ὅσσε ἰδὼν δῆϊων ἐν αὐτῇ,  
οὐδ' ἰθὺς μαχέσασθαι, ἐπεὶ σέο φέρτερός ἐστι.  
<sup>112</sup> ὃς τέ με φῆς Αἴαντα πελώριον οὐχ ὑπομῆναι.  
οὐ τοι ἐγὼν ἔρριγα μάχην οὐδὲ κτύπον ἵππων·  
ἀλλ' αἰεὶ τε Διὸς κρείσσω νόος αἰγιόχοιο,  
ὃς τε καὶ ἄλκιμον ἄνδρα φοβεῖ καὶ ἀφείλετο νίκην  
ρήϊδίως, ὅτε δ' αὐτὸς ἐποτρύνει μαχέσασθαι.  
<sup>113</sup> Αἴας γὰρ μάλα πάντα ἐπώχετο πολλὰ κελεύων·  
οὔτε τιν' ἐξοπίσω νεκροῦ χάζεσθαι ἀνώγει  
οὔτε τινα προμάχεσθαι Ἀχαιῶν ἔξοχον ἄλλων,  
ἀλλὰ μάλ' ἀμφ' αὐτῷ βεβάμεν, σχεδόθεν δὲ μάχεσθαι.

отступить под прикрытие городских стен (Π. XVIII. 254–256)<sup>114</sup>. Он обращает внимание на то, что в бой вступил Ахилл, который изменит соотношение сил в битвах. За стенами же троянцы смогут удержать греческого героя (Π. XVIII. 254–283). Гектор возражает Полидаманту, предлагая троянцам ночевать в поле и вступить в битву поутру. Он жалуется на то, что благосостояние города сильно пострадало от осады, и рассчитывает на возможную добычу из ахейского лагеря. Гектор объявляет, что не станет избегать Ахилла и сразится с греческим героем (Π. XVIII. 285–309).

Важное рассуждение мы встречаем в конце двадцать первой песни у троянца Агенора, которого Аполлон побуждает сразиться с Ахиллом. Агенор рассуждает о вариантах спасения и приходит к выводу, что бегство в страхе от Ахилла в сторону города позорно и бессмысленно. В поле Ахилл способен настигнуть любого из троянцев (Π. XXI. 553–555)<sup>115</sup>. Отвергает Агенор и вариант бегства от Ахилла в сторону от города, так как ахейский герой может заметить бегущего троянца в поле, догнать и убить его (Π. XXI. 556–564)<sup>116</sup>. Сражение с Ахиллом, пусть и тоже грозит троянцу смертью, представляется ему единственным правильным выходом (Π. XXI. 565–570).

Наконец, в кульминационной песне «Илиады», посвященной поединку Гектора и Ахилла мы встречаем ряд рассуждений на тему бегства с поля боя.

---

<sup>114</sup> ἀμφὶ μάλα φράζεσθε φίλοι· κέλομαι γὰρ ἔγωγε  
ἄστυδε νῦν ἰέναι, μὴ μίμνειν ἠῶ διὰν

ἐν πεδίῳ παρὰ νηυσίν· ἐκάς δ' ἀπὸ τείχεός εἰμεν.

<sup>115</sup> ὦ μοι ἐγών· εἰ μὲν κεν ὑπὸ κρατεροῦ Ἀχιλῆος  
φεύγω, τῇ περ οἱ ἄλλοι ἀτυζόμενοι κλονέονται,  
αἰρήσει με καὶ ὧς, καὶ ἀνάγκιδα δειροτομήσει.

<sup>116</sup> εἰ δ' ἂν ἐγὼ τούτους μὲν ὑποκλονέεσθαι ἐάσω  
Πηλεΐδῃ Ἀχιλῆϊ, ποσὶν δ' ἀπὸ τείχεος ἄλλη  
φεύγω πρὸς πεδίον Ἰλίου, ὄφρ' ἂν ἴκωμαι  
Ἰδης τε κνημοὺς κατὰ τε ῥωπήϊα δύω·  
ἔσπεριος δ' ἂν ἔπειτα λοεσσάμενος ποταμοῖο  
ἰδρῶ ἀποψυχθεὶς προτὶ Ἴλιον ἀπονεοίμην·  
ἀλλὰ τί ἦ μοι ταῦτα φίλος διελέξατο θυμός;  
μὴ μ' ἀπαιρούμενον πόλιος πεδίον δὲ νοήσῃ  
καὶ με μεταίξας μάρψῃ ταχέεσσι πόδεσσιν.

Когда троянский герой остается в одиночестве против надвигающегося Ахилла, к нему со стен обращаются родители. Приам уговаривает Гектора вернуться в город. Во-первых, царь Трои убежден, что Ахилл сильнее, чем Гектор в бою, поэтому троянца неминуемо ждет смерть (II. XXII. 38–40)<sup>117</sup>. Приам указывает на то, что гибель Гектора станет горем не только для родителей, которые и так уже потеряли многих сыновей, но и для троянцев. Возвращение же героя в город станет для граждан спасением (II. XXII. 54–58)<sup>118</sup>.

Несмотря на уговоры родителей, Гектор отказывается войти в город. Он размышляет о том, что отступление от Ахилла будет позором для него, и опасается осуждения со стороны других троянцев (II. XXII. 99)<sup>119</sup>. Однако речь здесь не о самом отступлении как таковом. Гектор рассуждает о своих неудачных решениях в прошедшей битве. Когда перед боем Полидамант предлагал троянцам укрыться за стенами города, Гектор отверг этот совет и обещал выступить против Ахилла (II. XXII. 100–105)<sup>120</sup>. Теперь герой опасается укоров со стороны Полидаманта и других троянцев за то, что погубил войска, понадеявшись на победу (II. XXII. 106–107)<sup>121</sup>. Поэтому Гектор решает, что сражение с Ахиллом, которое может принести или

---

<sup>117</sup> Ἔκτορ μή μοι μίμνε φίλον τέκος ἀνέρα τοῦτον  
οἷος ἄνευθ' ἄλλων, ἵνα μή τάχα πότμον ἐπίσπης

Πηλεΐωνι δαμείς, ἐπεὶ ἦ πολὺ φέρτερός ἐστι  
<sup>118</sup> λαοῖσιν δ' ἄλλοισι μινυνθαδιώτερον ἄλγος  
ἔσσεται, ἦν μή καὶ σὺ θάνης Ἀχιλῆϊ δαμασθεῖς.  
ἀλλ' εἰσέρχαιο τεῖχος ἐμὸν τέκος, ὄφρα σαώσης  
Τρῶας καὶ Τρωάς, μή δὲ μέγα κῦδος ὀρέξης  
Πηλεΐδη, αὐτὸς δὲ φίλης αἰῶνος ἀμερθῆς.

<sup>119</sup> ὦ μοι ἐγών, εἰ μὲν κε πύλας καὶ τείχεα δύω,

<sup>120</sup> Πουλυδάμας μοι πρῶτος ἐλεγχείην ἀναθήσει,  
ὅς μ' ἐκέλευε Τρῶσιν ποτὶ πτόλιν ἠγήσασθαι  
νύχθ' ὑπὸ τήνδ' ὀλοήν ὅτε τ' ὤρετο διὸς Ἀχιλλεύς.  
ἀλλ' ἐγὼ οὐ πιθόμην· ἦ τ' ἂν πολὺ κέρδιον ἦεν.

νῦν δ' ἐπεὶ ὤλεσα λαὸν ἀτασθαλίῃσιν ἐμῆσιν,  
αἰδέομαι Τρῶας καὶ Τρωάδας ἐλκεσιπέπλους,

<sup>121</sup> μή ποτέ τις εἶπησι κακώτερος ἄλλος ἐμεῖο·  
Ἐκτῶρ ἦφι βίηφι πιθήσας ὤλεσε λαόν.

благородную смерть, или победу, является лучшим выходом из ситуации. Затем Гектор размышляет о возможности сдачи Ахиллу, однако отмечает эту идею, понимая, что не дождется пощады от ахейского героя, что бы ни предложил (П. XXII. 111–130).

Подводя итоги этого пункта работы, мы можем прийти к следующим выводам. Отступление или бегство с поля боя в риторике персонажей «Илиады» является позорным действием, которого следует избегать и за которое герои испытывают стыд. Показательно, на примере Гектора и Диомеда, что стыд этот провоцируется не внутренним переживанием, но внешней оценкой. Ахейский герой, вынужденный оставить бой из-за знамений Зевса, переживает, как бы враги не обвинили его в трусости и не похвалялись тем, что такой видный воин бежал от них в страхе. Гектор рассуждает, что уклонение от поединка с Ахиллом встретит осуждение троянцев. При этом, хотя во внутренних монологах, герои рассуждают об отступлении, на обвинения в трусости они реагируют резко негативно и стремятся опровергнуть обвинения. Диомед оправдывается перед Афиной тем, что она сама приказала ему не вступать в бой с богами, Гектор в беседе с Главком ссылается на волю Зевса, которому угодно было отдать победу ахейцам.

Соответственно, уважительных причин для отсутствия на поле боя не так уж много. Первая причина для уклонения от боя или бегства – воля бога. На волю Зевса ссылается Гектор, избегает сражения с богами по совету Афины Диомед, отступает от стен Трои отогнанный Аполлоном Патрокл. Интересно, что на участие божеств персонажи «Илиады» ссылаются даже в тех случаях, когда это участие в тексте поэмы не указывается автором. Например, Парис оправдывает свое поражение в бою с Менелаем и последующее уклонение от боя тем, что ахейскому герою помогала Афина. Хотя в тексте «Илиады» участие Афины в их плеттке не упоминается. Вторая причина для отступления с поля боя – это ранение. Раненный Диомед рассуждает о том, сколь неприлично ему отступить с боя, но все же покидает

сражение. Наконец, третья причина для отступления, которая проявляется в риторике персонажей – явное превосходство противника. Эксплицитно ее выражает Ахилл, который отмечает важность наличия героев, способных перевернуть ход боя. Впрочем, превосходство противника, в отличие от двух предыдущих причин, не всегда служит поводом для отступления. Менелай отступает от тела Патрокла, опасаясь надвигающихся троянцев и Гектора, Аякс отступает под ливнем стрел. А вот, например, Агенор, пусть и рассуждает о бегстве перед много сильнее Ахиллом, предпочитает встретить противника лицом к лицу. Такое же решение принимает впоследствии и Гектор, которого призывают покинуть поле боя, ввиду явного превосходства Ахилла в битве.

## **2. Предложения прекратить осаду Трои и реакция на них**

В риторике ахейцев, осаждающих Трою, мы встречаем несколько случаев, когда один из героев предлагает оставить бесперспективную осаду и удалиться на родину. Этим случаям будет посвящен данный пункт работы.

Первый случай, когда один из ахейских героев предлагает прекратить осаду, случается в первой же песне поэмы. Во время мора, устроенного в греческом лагере Аполлоном, Ахилл созывает собрание ахейцев, предлагает оставить Трою и вернуться домой (II. I. 59–61)<sup>122</sup>. Впрочем, это предложение является не столько серьезным планом, сколько демонстрацией возможных последствий мора. Оно нужно Ахиллу, чтобы окружающие согласились с его последующим предложением обратиться к оракулу и выяснить причину мора. Несерьезность предложения Ахилла проявляется и в том, что последующие беседы ведутся вокруг предложения вопросить оракул. Об идее оставить осаду герои более не вспоминают.

Второй раз тема возвращения домой встаёт в перепалке Ахилла и Агамемнона. Ахилл, возмущённый угрозой царя Микен взять замену

---

<sup>122</sup> Ἄτρεΐδη νῦν ἄμμε παλιμπλαγχθέντας οἴω  
ἄψ ἀπονοστήσειν, εἴ κεν θάνατόν γε φύγοιμεν,  
εἰ δὴ ὀμοῦ πόλεμος τε δαμᾶ καὶ λοιμὸς Ἀχαιοῦς·



Хрисеиде из добычи других ахейцев, заявляет о том, что ему будет приятнее вернуться домой, нежели продолжать сражаться (П. I. 169–171)<sup>123</sup>. Агамемнон обращается к Ахиллу с гневной речью, в которой называет того ненавистнейшим из героев, угрожает отнять пленницу Ахилла Брисеиду и призывает героя убегать (П. I. 173) и властвовать мирмидонцами (П. I. 173–187). При этом, Агамемнон признает силу Ахилла, но упрекает героя в том, что тому приятны сражения и раздоры. Никаких подозрений в трусости предложение Ахилла не вызывает, напротив, окружение, как кажется, признает право героя на обиду и возможный уход из стана осаждающих.

Одним из наиболее важных примеров призыва к отступлению от Трои служит эпизод с испытанием войска ахейцев из второй песни «Илиады». Агамемнон, обманутый лживым сном, посланным ему Зевсом, решает перед решительным боем с троянцами испытать войска, предложив прекратить осаду и вернуться домой. Эту уловку он формулирует сначала на совете ахейских вождей (П. II. 73–75)<sup>124</sup>, а затем и приводит в исполнение. Хотя предложение Агамемнона является обманным, его аргументация в речи (П. II. 110–141) должна быть правдоподобной. Главным аргументом для отступления Агамемнон называет дурные предзнаменования: Зевс обманул ахейцев и велит теперь отступать от стен Трои, не взяв города (П. II. 110–115)<sup>125</sup>. Агамемнон сам полагает это отступление позором, поскольку ахейцы численно намного превосходят троянцев и уже девять лет ведут войну, неся

---

<sup>123</sup> νῦν δ' εἶμι Φθίην δ', ἐπεὶ ἦ πολὺ φέρτερόν ἐστιν  
οἴκαδ' ἴμεν σὺν νηυσὶ κορωνίσιν, οὐδέ σ' οἴῳ  
ἐνθάδ' ἄτιμος ἐὼν ἄφενος καὶ πλοῦτον ἀφύξειν.

<sup>124</sup> πρῶτα δ' ἐγὼν ἔπεσιν πειρήσομαι, ἦ θέμις ἐστί,  
καὶ φεύγειν σὺν νηυσὶ πολυκλήϊσι κελεύσω·  
ὑμεῖς δ' ἄλλοθεν ἄλλος ἐρητύειν ἐπέεσσιν.

<sup>125</sup> ὦ φίλοι ἦρωες Δαναοὶ θεράποντες Ἴαρος  
Ζεὺς με μέγα Κρονίδης ἄτη ἐνέδησε βαρεῖη  
σχέτλιος, ὃς πρὶν μὲν μοι ὑπέσχετο καὶ κατένευσεν  
Ἴλιον ἐκπέρσαντ' εὐτείχεον ἀπονέεσθαι,  
νῦν δὲ κακὴν ἀπάτην βουλεύσατο, καί με κελεύει  
δυσκλέα Ἴαρος ἰκέσθαι, ἐπεὶ πολὺν ὤλεσα λαόν.

тяжелые потери (Π. Π. 119–130)<sup>126</sup>. Оправданием, по мнению вождя ахейцев служит многочисленность троянских союзников, мешающих взять город (Π. Π. 130–133)<sup>127</sup>. Завершает свою речь Агамемнон призывом бежать из-под Трои и вернуться на родину к женам и детям (Π. Π. 140–141)<sup>128</sup>.

Реакция войск на речь Агамемнона существенно отличается от той, что предполагалась вождями: воины бросаются к кораблям и радостно начинают сборы в обратную дорогу. Успокаивать войска по приказу Афины принимается Одиссей, берущий у Агамемнона скипетр. Важно отметить, что, уговаривая вождей, он упрекает их в страхе перед троянцами (Π. Π. 190)<sup>129</sup>.

После успокоения большей части войска следует сцена с Терситом, который также призывает ахейцев вернуться домой (Π. Π. 225–242). Терсит упрекает Агамемнона в том, что тот ведет войну для своей выгоды и получает основную долю от добычи, а также в обиде, нанесенной Ахиллу. Предложение Терсита бежать остается без внимания, Одиссей наказывает оратора за поношения в адрес Агамемнона. Выступающие затем Одиссей и Нестор требуют от ахейцев сражаться до взятия Трои. Одиссей перечисляет

---

<sup>126</sup> αἰσχροὺν γὰρ τόδε γ' ἐστὶ καὶ ἐσσομένοισι πυθέσθαι  
μὰψ οὕτω τοιόνδε τοσόνδε τε λαὸν Ἀχαιῶν  
ἄπρηκτον πόλεμον πολεμίζειν ἠδὲ μάχεσθαι  
ἀνδράσι παυροτέροισι, τέλος δ' οὐ πῶ τι πέφανται·  
εἶ περ γὰρ κ' ἐθέλοισιν Ἀχαιοὶ τε Τρῶές τε  
ὄρκια πιστὰ ταμόντες ἀριθμηθήμεναι ἄμφω,  
Τρῶας μὲν λέξασθαι ἐφέστιοι ὅσοι ἔασιν,  
ἡμεῖς δ' ἐς δεκάδας διακοσμηθεῖμεν Ἀχαιοί,  
Τρώων δ' ἄνδρα ἕκαστοι ἐλοίμεθα οἰνοχοεύειν,  
πολλά κεν δεκάδες δευοίατο οἰνοχόοιο.  
τόσπον ἐγὼ φημι πλέας ἔμμεναι υἱᾶς Ἀχαιῶν  
Τρώων,

<sup>127</sup> Τρώων, οἱ ναίουσι κατὰ πτόλιν· ἀλλ' ἐπίκουροι  
πολλέων ἐκ πολίων ἐγχέσπαλοι ἄνδρες ἔασιν,  
οἳ με μέγα πλάζουσι καὶ οὐκ εἰῶσ' ἐθέλοντα  
Ἰλίου ἐκπέρσαι εὖ ναιόμενον πτολίεθρον.

<sup>128</sup> φεύγωμεν σὺν νηυσὶ φίλην ἐς πατρίδα γαίαν·  
οὐ γὰρ ἔτι Τροίην αἰρήσομεν εὐρυάγυιαν.

<sup>129</sup> δαίμονι' οὐ σε ἔοικε κακὸν ὡς δειδίσεισθαι,

предзнаменования, которые сопровождали отправление ахейцев из Греции, и обещает, что их ждет вечный позор, если перед самой победой они побегут на родину, не взяв города (П. II. 284–332). Нестор и вовсе угрожает смертью любому, кто попытается отправиться домой (П. II. 357–359)<sup>130</sup>. Схожая мысль звучит в последнем слове Агамемнона, который, призывая воинов снаряжаться в бой, угрожает смертью тем, кто будет уклоняться от сражений и останется в лагере (П. II. 391–394)<sup>131</sup>.

Об отступлении из-под Трои Агамемнон говорит и после ранения Менелая в четвертой песне «Илиады». Когда Пандар ранит Менелая стрелой, Агамемнон проклинает вероломство троянцев, нарушивших клятвы о перемирии, и сетует на возможные последствия смерти брата. Сам Агамемнон вернется на родину, скорбя по брату. Остальные ахейцы потеряют желание сражаться за Елену и вернуться, оставив ее в Трое. Такой сценарий будет позором, в первую очередь, для Агамемнона, который возглавлял ахейское войско (П. IV. 170–182)<sup>132</sup>. Довольно интересно, что Агамемнон такое значение придает Менелая, как тому, кто удерживает ахейские войска под Троей, олицетворяет собой цель похода.

---

<sup>130</sup> εἰ δέ τις ἐκπάγλως ἐθέλει οἶκον δὲ νέεσθαι  
ἀπτέσθω ἥς νηὸς εὐσσέλμοιο μελαίνης,  
ὄφρα πρόσθ' ἄλλων θάνατον καὶ πότμον ἐπίσπη.  
<sup>131</sup> ὄν δέ κ' ἐγὼν ἀπάνευθε μάχης ἐθέλοντα νοήσω  
μιμνάζειν παρὰ νηυσὶ κορωνίσιν, οὗ οἱ ἔπειτα  
ἄρκιον ἐσσεῖται φυγέειν κύνας ἠδ' οἰωνούς.  
<sup>132</sup> καὶ κεν ἐλέγχιστος πολυδίψιον Ἴαργος ἰκοίμην·  
αὐτίκα γὰρ μνήσονται Ἴαχαιοὶ πατρίδος αἴης·  
καὶ δὲ κεν εὐχολὴν Πριάμῳ καὶ Τρωσὶ λίπομεν  
Ἴαργείην Ἐλένην· σέο δ' ὄστέα πύσει ἄρουρα  
κειμένου ἐν Τροίῃ ἀτελευτήτῳ ἐπὶ ἔργῳ.  
καὶ κέ τις ᾧδ' ἐρέει Τρώων ὑπερηνορεόντων  
τύμβῳ ἐπιθρόσκων Μενελάου κυδαλίμοιο·  
αἶθ' οὕτως ἐπὶ πᾶσι χόλον τελέσει' Ἰαγαμέμνων,  
ὡς καὶ νῦν ἄλιον στρατὸν ἤγαγεν ἐνθάδ' Ἰαχαιῶν,  
καὶ δὴ ἔβη οἶκον δὲ φίλην ἐς πατρίδα γαῖαν  
σὺν κεινῆσιν νηυσὶ λιπὼν ἀγαθὸν Μενέλαον.  
ὡς ποτέ τις ἐρέει· τότε μοι χάνοι εὐρεῖα χθῶν.

В начале девятой песни мы встречаем повтор ситуации из второй, однако уже в другой ситуации: Агамемнон собирает вождей на совет и фактически повторяет свою более раннюю речь с предложением бежать из-под Трои (II. IX. 17–28). На этот раз, впрочем, рассуждения о том, что Зевс против разрушения города, имеют под собой основу. В предшествовавшей собранию битве верховный бог знамениями вынудил ахейцев отступить. Против Агамемнона первым резко выступает Диомед. Он напоминает Агамемнону, что тот в прошлых битвах порицал его за отсутствие храбрости (II. IX. 34–36)<sup>133</sup>. Диомед сам обвиняет Агамемнона в отсутствии храбрости и заявляет, что ахейцы не так слабы, как думает царь Микен (II. IX. 37–41)<sup>134</sup>. Если сам Агамемнон хочет отправиться домой, то Диомед и другие ахейские герои собираются остаться под Троей до самого ее падения (II. IX. 42–49)<sup>135</sup>. Диомед получает одобрение от всех собравшихся, после чего слово берет Нестор, который вносит предложение попытаться урегулировать конфликт между Ахиллом и Агамемноном. Предложение же отступить из-под Трои и вернуться домой более не рассматривается. Хотя в данном случае предложение отступить представляется серьезной угрозой, обусловленной военными неудачами ахейцев во время предшествующих сражений.

---

<sup>133</sup> ἀλκὴν μὲν μοι πρῶτον ὀνειδίσας ἐν Δαναοῖσι  
φᾶς ἔμεν ἀπτόλεμον καὶ ἀνάλκιδα· ταῦτα δὲ πάντα  
ἴσασ' Ἀργείων ἡμὲν νέοι ἠδὲ γέροντες.

<sup>134</sup> σοὶ δὲ διάνδιχα δῶκε Κρόνου πάϊς ἀγκυλομήτεω·  
σκήπτρω μὲν τοι δῶκε τετιμῆσθαι περὶ πάντων,  
ἀλκὴν δ' οὐ τοι δῶκεν, ὅ τε κράτος ἐστὶ μέγιστον.  
δαμόνι' οὕτω που μάλα ἔλπει υἱᾶς Ἀχαιῶν  
ἀπτολέμους τ' ἔμεναι καὶ ἀνάλκιδας ὡς ἀγορεύεις;

<sup>135</sup> εἰ δὲ τοι αὐτῷ θυμὸς ἐπέσσεται ὡς τε νέεσθαι  
ἔρχεο· πάρ τοι ὁδός, νῆες δὲ τοι ἄγχι θαλάσσης  
ἐστᾶσ', αἶ τοι ἔποντο Μυκῆνηθεν μάλα πολλαί.  
ἀλλ' ἄλλοι μενέουσι κάρη κομόωντες Ἀχαιοὶ  
εἰς ὃ κέ περ Τροίην διαπέρσομεν. εἰ δὲ καὶ αὐτοὶ  
φρυγόντων σὺν νηυσὶ φίλην ἐς πατρίδα γαῖαν·  
νῶϊ δ' ἐγὼ Σθένελός τε μαχησόμεθ' εἰς ὃ κε τέκμωρ  
Ἰλίου εὐρωμεν· σὺν γὰρ θεῶ εἰλήλουθμεν.

Представляется, что предложение бежать из-под Трои для Гомера является неизменным атрибутом советов ахейских войск и вождей в «Илиаде» в тяжелых условиях. Довольно показательным в связи с этим выглядит начало десятой песни – «Долонии». В начале песни Менелай и Агамемнон решают разбудить других вождей ахейцев, дабы проверить ночную стражу и обдумать положение. Довольно любопытна здесь формулировка. Когда Агамемнон вместе с Нестором призывают на совет Одиссея, Нестор предлагает царю Итаки следовать на совет, где ахейские вожди решат, бежать им или сражаться (П. X. 146–147)<sup>136</sup>.

Важнейший диалог происходит в начале четырнадцатой песни. Нестор встречает идущих посмотреть на бой раненных вождей ахейцев – Агамемнона, Диомеда и Одиссея. Царь Пилоса призывает вождей не вступать на поле боя и не рисковать жизнью, страдая от ран. Агамемнон, в свою очередь, высказывает очередное предложение отступить от Трои. Теперь он формулирует полноценный план отступления. Царь Микен начинает с уже традиционного вступления, что поражения ахейцев в бою свидетельствуют о желании Зевса отдать победу троянцам. Агамемнон перечисляет неудачи ахейского войска, вынужденного отступить от своих оборонительных укреплений, и приходит к заключению, что боги больше не хотят помогать обоим сторонам, как было раньше, но способствуют только победам троянцев (П. XIV. 65–73)<sup>137</sup>. Поэтому Агамемнон предлагает спустить крайние корабли на море для того, чтобы ночью, когда трояне

---

<sup>136</sup> ἀλλ' ἔπε', ὄφρα καὶ ἄλλον ἐγείρομεν ὃν τ' ἐπέοικε  
βουλὰς βουλευεῖν, ἧ φευγέμεν ἢ ἐμάχεσθαι.

<sup>137</sup> Νέστορ ἐπεὶ δὴ νηυσὶν ἔπι προμνησὶ μάχονται,  
τείχος δ' οὐκ ἔχρισμε τετυγμένον, οὐδέ τι τάφος,  
ἧ ἔπι πολλὰ πάθον Δαναοί, ἔλποντο δὲ θυμῶ  
ἄρρηκτον νηῶν τε καὶ αὐτῶν εἶλαρ ἔσεσθαι·  
οὕτω που Διὶ μέλλει ὑπερμενείϊ φίλον εἶναι  
νανύμνους ἀπολέσθαι ἀπ' Ἄργεος ἐνθάδ' Ἀχαιοῦς.  
ἦδεα μὲν γὰρ ὅτε πρόφρων Δαναοῖσιν ἄμυνεν,  
οἶδα δὲ νῦν ὅτε τοὺς μὲν ὁμῶς μακάρεσσι θεοῖσι  
κιδάνει, ἡμέτερον δὲ μένος καὶ χεῖρας ἔδησεν.

прекратят наступление, ахейцы могли сесть на них и бежать из-под Трои (П. XIV. 75–79)<sup>138</sup>. Завершает свою речь царь Микен, говоря, что нет позора в бегстве, даже ночном. И бегство лучше, чем гибель (П. XIV. 80–81)<sup>139</sup>. Агамемнону довольно сурово отвечает Одиссей, всячески осуждающий царя Микен за его предложение. Царь Итаки упирает на то, что война является главным делом ахейцев и, по воле Зевса, они должны погибнуть с оружием в руках. Кроме того, такое предложение ужасно именно со стороны Агамемнона, который является главой всего войска. Наконец, по мнению Одиссея, предложение Агамемнона губительно даже с точки зрения влияния на текущее положение в битве, поскольку ахейцы, увидев приготовления к отплытию, будут думать о бегстве, а не о том, как отстоять лагерь и корабли (П. XIV. 83–102). В ответном слове Агамемнон не отказывается от своего предложения и предлагает другим высказать лучшую идею (П. XIV. 104–108). Прекращает дискуссию Диомед, предлагающий вождям надеть доспехи и выйти к войскам для ободрения сражающихся (П. XIV. 126–132). Здесь мы снова видим схему, по которой в совете вождей звучит предложение оставить осаду и отправиться домой. Затем совещающиеся приходят к другому решению, более подходящему для текущей ситуации. Отличие заключается разве только в том, что здесь Агамемнон предлагает план отступления от Трои.

Подводя итог этому пункту, следует провести несколько общих закономерностей. Во-первых, предложение об отступлении высказывает практически всегда один человек – Агамемнон. С одной стороны, это, видимо, обусловлено его статусом вождя ахейского войска. Вынужденный

---

<sup>138</sup> ἀλλ' ἄγεθ' ὡς ἂν ἐγὼν εἶπω πειθόμεθα πάντες.

νῆες ὅσαι πρῶται εἰρύαται ἄγχι θαλάσσης  
 ἔλκωμεν, πάσας δὲ ἐρύσσομεν εἰς ἄλα διαν,  
 ὕψι δ' ἐπ' εὐνάων ὀρμίσσομεν, εἰς ὃ κεν ἔλθῃ  
 νῦξ ἀβρότη, ἣν καὶ τῆ ἀπόσχωνται πολέμοιο  
 Τρῶες· ἔπειτα δὲ κεν ἐρυσσόμεθα νῆας ἀπάσας.

<sup>139</sup> οὐ γάρ τις νέμεσις φυγέειν κακόν, οὐδ' ἀνὰ νύκτα.

βέλτερον ὅς φεύγων προφύγῃ κακόν ἢ ἐάλω.

думать об успехе кампании в целом, он больше всего обеспокоен положением ахейского войска. Возможно, другие не могут высказывать предложение о прекращении осады из-за возможных карательных мер. Даже Агамемнону, когда он высказывает свои планы отступления, приходится выслушивать обвинения в трусости и несоответствии этих планов его статусу. При этом сам Агамемнон и Нестор угрожают смертью ахейцам, уклоняющимся от боя или пытающимся самостоятельно вернуться домой. Во-вторых, предложения оставить осаду Трои становятся все более серьезными по мере ухудшения положения ахейцев на поле боя. Если во второй песне речь Агамемнона является обманом и призвана испытать ахейцев, то впоследствии предложения царя становятся все более конкретными. Другое дело, всякий раз они натываются на возмущение других героев «Илиады», в первую очередь Диомеда и Одиссея. Стоит отметить, что Диомед вообще становится наиболее частым проводником определенной воинской этики. Герой дважды возражает предлагавшему отступить Агамемнону, всячески переживает из-за того, что оставил бой по причине ранения. Особняком стоит предложение Терсита, призывающего ахейцев оставить Агамемнона под Троей, а самим вернуться домой. Терсит – персонаж явно отрицательный, стоящий в одном ряду с лучником Пандаром, и для него такие высказывания не являются чем-то удивительным. Наконец, несколько раз мы встречаем идею вернуться из-под Трои домой в речах Ахилла. Однако здесь идет речь об обиде и дополнительных угрозах ахейскому войску. Зная волю Зевса и свою судьбу, Ахилл вряд ли может всерьез размышлять о потенциальном бегстве домой.

## Заключение

Отступление и бегство с поля боя занимают важное место в «Илиаде». Мы склонны выделить несколько семантических аспектов в описании отступления и бегства, а также реакции на них.

Отступление на поле боя может быть элементом описания сражения, который весьма часто указывается Гомером. Так как в эпосе повествование концентрируется на отдельных героях, и автор вынужден описывать поединки, распространенным топосом становится возвращение персонажей в ряды войска в случае неудачно складывающегося боя. В этих ситуациях нет смысла говорить о какой-то морально-этической оценке сражающихся.

Второй случай – это сознательное отступление кого-то из героев по определенной причине. Первая причина, которую мы встречаем в поэмах, это превосходство противника, количественное, либо качественное. Великий герой, например, Аякс, может отступить перед превосходящими в количестве противниками, которые осыпают его стрелами. Герой может отступить перед более сильным героем. В этом случае, мы можем встретить размышления персонажей о своем поведении. Показательно здесь рассуждение Менелая, оставшегося защищать тело Патрокла и видящего приближающегося Гектора. Ахейский герой не сомневается в своей гибели, и разрывается между двумя моделями поведения – героической смертью или отступлением от тела погибшего товарища. В итоге герой выбирает компромиссный вариант – он отступает, но возвращается с подкреплением. Другой пример, это реакция Диомеда на предложение отступить с поля боя перед лицом надвигающихся троянских героев. Ахейский герой резко возражает своему вознице и полагает отступление позорным для себя. Вторая причина отступления – это ранение героя. В случае с Диомедом мы также встречаем размышления героя о допустимости такого поведения. Диомед понимает, что отступившего из-за раны героя не осудят, однако полагает, что герою прилично оставаться на поле боя вне зависимости от собственного состояния. Наконец, третья причина – это требование бога или столкновение



героя с богом. Эта причина практически никогда не вызывает сомнений у персонажей «Илиады». Диомед, Патрокл, Ахилл – все виднейшие герои, за редкими исключениями, избегают столкновения с богами и не задумываются о допустимости этого поведения.

Бегство с поля боя куда чаще, чем отступление, относится к массе ахейского или троянского войска. Однако встречаем мы и бегущих героев, которые, впрочем, обычно действуют так же, как и окружающие их войска. Дважды убегает с поля боя Гектор. Убегает от ахейских героев Долон. Мы склонны выделить две основные причины бегства в «Илиаде». Первая причина, которая чаще всего упоминается в тексте, — это воля Зевса. Зевс насыляет страх на героев, принуждая их отступать. Эта модель формулируется и поэтом, и персонажами поэмы, которые отмечают, что человек не может сопротивляться воле верховного бога. Вторая причина – это участие в бою сильного героя, которому покровительствуют боги. Эту идею формулирует Ахилл, имплицитно же она часто встречается в поэме. Ахейцы бегут перед Гектором, троянцы бегут перед Патроплом и Ахиллом.

Бегство обычно вызывает суровое моральное осуждение со стороны окружающих. Наиболее показательно здесь осуждение, которое Главк высказывает Гектору. Ликийский герой упрекает троянца в трусости и угрожает уходом с поля боя союзников. Неоднократно звучат призывы вспомнить храбрость и в отношении всего бегущего войска.

Тесно смыкаются с темой бегства с поля боя, предложения оставить осаду Трои и вернуться домой. Эта идея обосновывается обычно волей Зевса, который не хочет реализации целей экспедиции, и становится все серьезнее с ухудшением положения осаждающих. В начале поэмы предложение оставить осаду Трои связано исключительно с испытанием войска. Чем больше ахейские войска терпят поражений, тем более серьезными и конкретными становятся планы, которые высказывает Агамемнон. При этом, всё более резкой становится реакция окружающих, которые всячески осуждают недостойные, по их мнению, предложения вождя ахейцев.

Наконец, интересны случаи, когда персонажи поэмы стремятся оправдать бегство с поля боя. Здесь мы встречаем не только знакомые топоры – уважительные причины отступления из-за ранения или явной воли богов, но и неожиданное утверждение Агамемнона, который, сравнивая героическую смерть под Троей со спасением в бегстве, неожиданно решает, что последнее лучше. Вождь ахейцев полагает, что даже ночное бегство ради спасения не может осуждаться. Эта точка зрения не находит отклика у других ахейских героев. Одиссей даже находит рациональную причину недопустимости бегства, которая имплицитно высказывается в поэме и ранее. Решение убежать из-под Трои может только ухудшить положение ахейцев, которые будут думать о бегстве больше, нежели о борьбе с врагами.

Наконец, отношение персонажей поэмы к отступлению и бегству с поля боя демонстрирует большую симпатию Гомера к ахейцам. Несмотря на то, что бегут с поля боя и те, и другие, но у троянцев мы видим куда больше сомнительных моральных решений и куда меньше рефлексии по поводу своих действий на поле боя.

Таким образом, как нам представляется, традиционная точка зрения о гомеровской этике должна быть несколько скорректирована. Персонажи поэмы не только демонстрируют храбрость и героизм, они также регулярно отступают или бегут от противника и даже обосновывают допустимость ночного бегства от неприятеля. Соответственно, воинская этика гомеровских персонажей достаточно сложна и неоднозначна.

## Список источников и литературы

### Источники

1. Homer. Iliad. – Vol. I-II / With an Engl. transl. by A. T. Murray. Revised by William F. Wyatt. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1924–1925.
2. Homer. Odyssey. – Vol. I–II. / With an Engl. transl. by A. T. Murray. Revised by George E. Dimock. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1919.
3. Гомер. Илиада / Пер. Н.И. Гнедича. – СПб.: Наука, 2008. – 573 с.
4. Гомер. Одиссея / Пер. В.А. Жуковского. – М.: Наука, 2000. – 483 с.

### Литература

1. Андреев Ю.В. Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции в XI–VIII вв. до н.э. – СПб.: Изд-во «Нестор-история», 2004. – 496 с.
2. Он же. Об историзме гомеровского эпоса // Вестник древней истории. 1984. №4. С. 3–11
3. Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. – М.: Вост. лит. – 1996. – 328 с.
4. Гринцер Н.П. Гомер на рубеже эпох // ШАГИ. 2015. Т1. №2. – С. 23 – 53.
5. Зайцев А.И. Поэмы Гомера как исторический источник // Зайцев А.И. Избранные статьи / Под. ред. Н.А. Алмазовой и Л.Я. Жмудя. Т. 2. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. – С. 175–190.
6. Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека / Пер. с нем. А.И. Любжина. Т. 1 – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2001. – 608 с.
7. Лорд А.Б. Сказитель / Пер. с англ. Ю.А. Клейнера и Г.А. Левинтона. – М.: Вост. лит., 1994. – 369 с.
8. Панченко Д.В. Гомер, «Илиада», Троя. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. – 304 с.

9. Туманс Х. «Львы» и «волки» у Гомера: заметки к эпической «Табели о рангах» // Аристей. 2011. Вып. IV. С. 27–51.
10. Файер В.В. Александрийская филология и гомеровский гекзаметр. – М. Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. – 256 с.
11. Он же. Рождение филологии. «Илиада» в Александрийской библиотеке. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013. – 232 с.
12. Bakker E. Poetry in Speech: Orality and Homeric Discourse. Ithaca; London: Cornell Univ. Press, 1997. xiv + 237 p.
13. Barker E., Christensen J. Flight Club: The New Archilochus Fragment and its Resonance with Homeric Epic // *Materiali e discussioni per l'analisi dei testi classici*. No. 57. 2006. P. 9–41.
14. Burgess J. The non-Homeric Cypria // *Transaction of the American Philological Association*. Vol. 126. 1996. P. 77–99.
15. Burkert W. The making of Homer in the sixth century B.C.: Rhapsodes vs. Stesichorus // *Papers on the Amasis Painter and his World*. Malibu: The John Paul Getty Museum, 1987. P. 43–62
16. *The Cambridge Companion to Homer* / Ed. by R. Fowler. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004. xx + 419 p.
17. Danek G. Studien zur Dolonie. Wien: Verlag der Oesterreichischen Akademie der Wissenschaften, 1988. xxxi + 248 S.
18. Edwards M. W. Sound, Sense and Rhythm. Listening to Greek and Latin Poetry. Princeton: Princeton Univ. Press, 2002. xi + 191 p.
19. Finkelberg M. Oral Theory and the limits of formulaic diction // *Oral Tradition*. Vol. 19. 2004. P. 236–252.
20. Foley J.M. Homer's Traditional Art. University Park: Pennsylvania State Univ. Press, 1999. xviii + 363 p.
21. Kelly A. Neoanalysis and the Nestorbedraengnis. A test case // *Hermes*. Bd. 134. H. 1. 2006. P. 1–25.

22. Kullman W. *Die Quellen der Ilias*. Wiesbaden: Steiner, 1960. xiv + 407 S.
23. Latacz I. *Homer, His Art and His World*. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1996. xi + 175 p.
24. Nagy G. *The Best of the Achaeans: Concepts of the Hero in Archaic Greek Poetry*. Baltimore; London: Johns Hopkins University Press, 1979. xvi + 392 p.
25. Idem. *The Epic Hero // A Companion to Ancient Epic* / Ed. by J.M. Foley. Malden; MA; Oxford: Blackwell Publishing, 2005. P. 71–89.
26. Idem. *Hero // The Homer Encyclopedia. Vol 2.* / Ed. by M. Finkelberg. Malden; MA; Oxford: Wiley Blackwell, 2011 P. 348–350
27. Idem. *Homeric Questions*. Austin: Univ. of Texas Press, 1996. ix + 180 p.
28. Idem. *Homer's Text and Language*. Champaign: Univ. of Illinois Press, 2004. xviii + 197 p.
29. *A New Companion to Homer* / Ed. by I. Morris, B. Powell. Leiden: Brill, 1997. xii + 755.
30. Parry M. *The Making of Homeric Verse: The Collected Papers of Milman Parry* / Ed. by A. Parry. Oxford: Clarendon Press, 1971. 483 p.
31. Powell B. *Homer and the Origin of the Greek Alphabet*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991. xxv + 280 p.
32. Schadewaldt W. *Iliasstudien*. Leipzig: Hirzel, 1938. 182 S.
33. Idem. *Von Homers Welt und Werk. Aufsätze und Auslegungen zur homerischen Frage*. Leipzig: Koehler & Amelang, 1944. 353 S.
34. Schein S.L. *The Mortal Hero. An Introduction to Homer's Iliad*. Berkely; Los Angeles; London: Univ. of California Press, 1984. xii + 223 p.
35. Snodgrass A.M. *An Historical Homeric Society?* // *Journal of Hellenic Studies*. 1974. Vol. 94. P. 114–125.
36. West M. *Date of the Iliad* // *Museum Helveticum*. Vol. 52. 1995. P. 203–219.

37. Wolf F.A. *Prolegomena to Homer* / Ed. by A. Grafton. Princeton: Princeton Univ. Press, 1985. xiv + 265 p.